

НЕ БУДИ ТО,
что не стоит
будет

Дарья
ТОИН

Остатки
МОИХ
Демонов

Дарья Тоин

Останови моих демонов

<https://litres.ru/74267963>

Аннотация

Эта поджарая Русалочка не в моём вкусе, я вообще такое не потребляю. Но она умудряется спасти мою дурную жизнь, выдернув из водоворота смертельных “случайностей”, и зажечь во мне что-то вообще непонятное. Я впервые не хочу быть СОБОЙ с девушкой. Хочется быть кем-то другим. Кем-то получше, чем лжецом, изменщиком и эгоистом. Только тогда, когда по щекам её текут слёзы и она шепчет мне ненавистно: “— Лучше бы я тебя не спасала...” я могу лишь кивать и отпускать её, умоляя наконец-то исчезнуть, оставив меня одного. Она до сих пор “не в моём вкусе”, но только рядом с ней я хоть чего-то стою.

____ Встречаются нецензурные татарские фразочки. Есть один потаскун и одна очаровательная его полная противоположность. 18+. 6 книга цикла. Герои везде разные. Можно читать отдельно.

Содержание

Bad boy / На третью сотню	4
Девочка из комиксов. 2	9
Bad boy / Пока, русалочка	21
Девочка из комиксов. 4	30
Bad boy / Кто ты такой вообще!?	37
Bad boy / Вкус пахлавы	45
Девочка из комиксов. 7	52
Bad boy / Ифрит	64
Девочка из комиксов. 9	73
Девочка из комиксов. 10	79
Девочка из комиксов. 11	89
Bad boy / Ты же смущаешься	96
Bad boy / Своенравная дурочка	104
Девочка из комиксов. 14	113
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Bad boy / На третью сотню

Злость- это слабость, страх неоправданных ожиданий.

Только чего он ждёт? На кого он злится?

На себя самого?

Тэми.

На скорости рядом чуть плещется джин, удобно устроившись своей стекляшечкой в отсеке для кофейного стаканчика, пока тачка подо мной рычит, как непослушная девочка, но всё же переходит на третью сотню.

Картинка начинает плыть, будто всё происходящее запечатляют с выдержкой на фотоаппарат моей бывшей, чьи голосовые я как раз сейчас слушаю. Она замуж вышла. Замуж взяла и вышла! Сегодня. И я всё испортил. Сам. Неоднократно.

А на записях - ещё пока моя. Какой месяц, какую ночь слушаю её голос с самых первых отправленных. Скоро вызубрю назубок каждый её вдох и выдох, каждую её запинку, каждый её ропот. Через пару месяцев шесть лет было бы, а толку? Смеётся "сейчас", говоря мне, чтобы не задерживался на работе... пока смеётся. Из-за меня смеётся. А потом впервые из-за меня заплачет. Мы тогда встречались два года, мне душно стало... потом ещё три "открытых отношений" и полгода после случившегося наконец фаталити. Только на этих войсах она ещё здесь. Ещё со мной. И моя ещё.

Теперь уже нет.

Куда я еду сейчас? Ради чего? Ради чего мне в тот город, а? Чтобы что? Чтобы ту дрянь найти? Я даже не помню, как она выглядит. Сколько их было? Где я буду её искать? Если только будить этой ночью невесту Дамира, с которой та дурочка типа дружила.. Шайтан её знает, как их обеих зовут... Не запоминаю. Туго с именами всегда было. Особенно на всяких, с которыми только сегошь*.

И ради чего? Ради того, чтобы ещё раз поиметь эту ночную барби? Назло кому вообще? Алике? Да ей всё равно уже. Самому себе? Мог просто найти эту куколку среди километров переписок с другими и поманить пальцем, вспомнив дату дня рождения друга.

Это же там было? На его двадцатишестилетии? Тогда я всё испортил? Сам всё организовал - сам всё испортил - ммм, какой самостоятельный мальчик! Или раньше? Раньше. Намного раньше. Но моя девочка же ждала, терпела. Дотерпела? Доревела? Отец до сих пор говорит, что я плохо её воспитывал.

Плохо... её... воспитывал... Надо было так, как он маму. Жестче, чтобы боялась. Во сколько лет он открыл мне эту истину? В девять, когда я, мальчишка, подумал вступить за неё? Глупый выродок.

Мотаю головой, на миг потеряв контроль.

Дело - продажная дрянь. И на панели мерцает красным индикатор DSC**, намекая, что мне стоит понять уже - в

этом дешевом феврале, в этой слякоти, проморозившейся в колею, у моей тачки отключилась устойчивость. И любая потеря сцепления с дорогой может отшвырнуть две тонны в кювет.

Звучит неплохо - ибо "привет, новые ощущения".

Скорость не сбавляю, пролетая метры за миллисекунды. Это нормально.

Я горю. Злюсь и вцепляюсь в руль, сдавливая костяшки так, что алькантара думает чуть шипеть. Будто от боли, да. Будто надо было воспитывать лучше, как любую женщину.

Как же быстро-то она! Чуть больше месяца прошло с нового года, который Аленька встретила с ещё одним другом её брата. И жаль, это не я был. На меня злилась, глупая. С ним сошлась, глупенькая. Я же вроде старался, хотел вернуть, маленькую. Хотел? Чего я хотел вообще? Вспылил только, как узнал... Руку поднял.... Отец бы сказал - мало. Может, прав. Да что вернёшь-то, а?

“Аленька”... Имя как ручеек журчит. А я плавать никогда не умел, чтобы с ней справиться.

Тело напрягается, наполняясь ещё большей яростью. Я выжимаю педаль до конца, чуть прищуриваясь и вальсируя в минимальных поворотах. Дорога же по прямой, да? Даже не помню уже.

Дальний вдруг чуть подсвечивает едва заметную консервную банку, замершую прямо на полосе. Ан нет, та всё же движется и въезжает на доисторический мост, у края кото-

рого стоит знак, запрещающий обгон.

Ещё пара секунд, и я сравниюсь с ней. И хозяин этого русского автопрома точно приметил меня, чуть отодвинувшись к самому краю полосы. Там река? Здесь вообще были реки? Широкая какая... я заблудился? Не было же ни одной. Вроде.

Сглатываю, чуть поворачивая руль влево. Моя девочка тут же сходит с колеи, дёрнувшись и уходя на встречу. Ещё пару секунд...

Зачем-то поворачиваю голову, сравнившись с едва ползущей машиной. Замечаю женские ладошки, вцепившиеся в тряпичный руль. Трусиха. Выруливаю обратно прямо перед её носом, перепрыгивая через наледь, но...

Не успеваю вывернуть - морда взмывает, прошибая днищем невысокую шайтанову ограду. На инстинктах задерживаю дыхание и вжимаюсь в ломающееся кресло, когда машина окончательно теряет контроль и на один крошечный миг замирает, ещё цепляясь задними за что-то последнее - жесткое.

Сердце впервые за эти сутки успевает дёрнуться, пока взгляд ещё фиксирует бесконечность, резко рванувшую, как на качелях.

Морда кренится и в этот последний толчок я закрываю глаза, чуть усмехнувшись, когда эти две тонны соскальзывают вниз. Свечкой. Раз.

Пробиваю лёд. Два. Срабатывает подушка. Три. Рывок,

задавивший мне лёгкие и срикошетивший мною же обратно.

Бэха чуть погружается под воду, но тут же взмывает, будто ещё пытаюсь зацепиться за расколовшиеся льдины, царапающие идеальные слои серой краски.

Только сколько не реви турбированный мотор, доживающий последние секунды, сколько я не старайся нащупать ручку, всё равно заднеприводная кренится, начиная погружаться и утягивать меня вместе с собой.

Судорожно выдыхаю, мотаю головой, чувствуя резкий запах расплескавшегося по салону алкоголя. И всматриваюсь в ещё освещенное моими диодами небо. Скоро замкнёт. Погаснет.

И давление этой шайтан-реки начинает обволакивать контуры, пока всматриваюсь в чей-то едва заметный силуэт на том месте, где я ошибся. Там похоже девчонка... что-то кричит, перевесившись через край. Странная.

Кто она? Хмыкаю... русалочка, рапунцель или девочка из комиксов?

* мягко скажем, “переспать”.

** DSC (Dynamic Stability Control) — система динамического контроля устойчивости, устанавливается на автомобили BMW.

Девочка из комиксов. 2

Страх рождён эволюцией.

Но что будет, если придётся переступить
через инстинкт самосохранения,
пытаясь спасти другую жизнь?

Влада.

Едва успеваю закричать и затормозить. Спасает только то, что я плелась, как черепаха. Машина замирает в сантиметрах от того, что сейчас резко закрутило и вышвырнуло на ограждение..

— Твою мать... Твою мать. Твою мать!

Эта дорогушая тачка почти срывается, пока я медлю, выбегая из своей Ладушки. Я не знаю, чем помогу... чем тут помочь? Водителю надо срочно выбраться. Но не успеваю даже обогнуть свою, как эта бэха начинает крениться и с рыком срывается, ускользя вниз. Туда!

Дыхание срывается вместе с писком, я начинаю дрожать, но всё же подбегаю к раскорёженному краю и смотрю на реку.

Лучше бы сном было! Но, и правда, вода начинает поглощать машину, а та слепит мне глаза своим светом. Что тут делать-то теперь, а!?

Достаю из кармана курточки телефон, набираю экстренный и слушаю гудки. Тихо...

— Служба спасения...

Не даю договорить, обрывая:

— Здесь машина сорвалась в реку!

— Девушка, где Вы? Представьтесь, пожалуйста...

Я пытаюсь говорить ровнее, но время стекает по крупинкам, а парень внутри так и не думает выбраться. Он же утонет... Утонет же!

Осматриваю берега, точно зная, здесь был где-то спуск. Да, вот там... точно... И деревню бабушки уже видно, ещё немного и я бы доехала!

Убегаю обратно, сажусь в салон, захлопываю дверь с такой силой, что гул чуть отрезвляет. По телефону обещают приехать, так что откидываю тот на сиденье рядом. Давлю газ, хотя весь этот путь ехала не больше сорока.

Мне было очень страшно. Это моя первая поездка по трассе, да ещё и в одиночку, да и почти ночью! С ума сошла...

Но эта авария - мамочки! Мамочки, мамочки...

Доезжаю до края и нахожу тот самый поворот, занесенный сугробами. Но здесь, видимо, катались на квадроциклах, так что шанс пробраться туда ещё есть. И что я сделаю, а?

Останавливаюсь, глушу мотор, выбегаю, но снова рвусь в салон. Так... если вода, это давление, это не выбраться. Это не открыть дверь, пока не утонет полностью. Это же... мамочки.

Пальцы не слушаются, но бардачок всё же поддаётся, на-

хожу там отвёртку, которая в этой машине обязана всегда быть на месте. Здесь постоянно что-то ломалось.

Снова выбегаю и уже топчу снег, погружаясь в скопившиеся за зиму сугробы.

Если кто из родителей моих девочек узнает, меня, наверное, сочтут чокнутой. Ой, Боже. только бы выжить и его вытянуть.

Я боюсь смотреть на это место сражения со стихией, но слёзы всё равно пробирают, когда приходится это сделать. Машина почти полностью ушла под воду, лишь капот ещё пока что виден. Он не выбрался. Там всё ещё человек!

Скатываюсь с горы, едва передвигаюсь, пока сама стягиваю с себя в эти минус семь тёплые вещи. Бросаю куртку у едва заметных камышей, туда же летит шапка, отчего мои волосы, выкрашенные нынче в цвета морских волн, разлетаются от резких порывов ветра. Мне нужна будет одежда потом. Даже если всё это не поможет...

Дышу три раза, ещё разок. Стягиваю с себя кофту, кидаю туда же. Там вообще живой он?

Сцепляю зубы крепче, содрогаясь от холода. Пытаюсь охватить себя руками, но остриё отвёртки тут же напоминает, что надо просто привыкнуть. Просто привыкнуть... и всё пройдёт.

Ещё один выдох. И решаюсь. Кто здесь поможет ещё? Его же нельзя оставлять, это счёт на минуты, максимум.

Лёд у берегов ещё выдерживает меня, бегу, но точно знаю,

что под этой толщей снега меня в один миг может утянуть в глубины здешних царей.

Так и происходит. Я почти успеваю добежать до раскола, как под моей ногой хрустит лёд и тут же опускает по щиколотку в воду. Льдина, ещё миг назад удерживающая, отъезжает, опрокидывая меня в царство холода.

Мышцы сводит, делаю нервный вдох, пытаюсь взять чувства под собственный контроль. И все мои медали сейчас едва ли мне в этом помогут. Как холодно! Мамочки...

Слёзы на щеках застывают, больно пощипывая. Нельзя терять время, да? Выдыхаю и набираю в лёгкие побольше воздуха, тут же ныряя и разгребая руками волны. Кажется, царапаюсь об остриё царящего вокруг льда, тело пытается сопротивляться. Каждую клеточку щиплет, но там вдалеке, медленно опускаясь, пока ещё горят огни. Пока я ещё вижу этот чёртов силуэт и пытаюсь плыть, ныряя всё глубже и глубже.

Здесь всегда было глубоководно. Очень. И сколько здесь утопленников - одна эта тёмная вода и знает. Бабушка всё моё детство говорила, что заплывать так далеко в этой речке - опасно. Но если бы я слушалась...

Если бы я только слушалась!

Ещё рывок и добираюсь до этого дорогущего саркофага. Сколько миллионов сегодня тонет здесь? Пять, десять? Боже, это сколько моих зарплат?

Пытаюсь взглядеться в салон, пока ещё позволяют лёгкие. Но уже чувствую, как мозг начинает сопротивляться. Надо

быстрее.

Отвёртка в руке больно режет ладонь, приходится отплыть и обогнуть эту машину, приблизившись к водительской двери. Там и правда есть кто-то. Дёргаю ручку - не поддается.

Стучу в стекло, он поворачивает ко мне голову, как в замедленной съёмке. Пугающе... но красиво. Чуть ли не теряюсь, лишь в последний миг запрещая себе дышать.

Приходится постоянно шевелить ногами с отяжелевшими ботинками. Джинсы мерзко облипают, пытаюсь утянуть меня вниз, показываю руками закрыть лицо. Тот почему-то морщится, и я бы уже наорала, если бы только могла!

“Закрой лицо!”, не понимает. Снова показываю на себе. *“Закрой своё чертово привлекательное лицо!”*. Чуть отшатышается, будто только поняв, что я не призрак и не Морана.

“Закрой!!!”

Слушается. Я бью со всей силы в угол, но будто и не ударила. Повторяю снова и снова, сопротивляясь физике. Мне становится ещё страшнее. Ещё немного, и сама начну тут захлёбываться.

Но внутри салона уже вода дошла до его плеч. Мы медленно спускаемся к самому дну - и столько я уже точно не вытерплю.

“Господи, пожалуйста, помоги!” повторяю про себя *“Господи, пожалуйста!”*.

Раз на десятый стекло пробирает паутиной. Ударяю ещё

пару раз, и то наконец раскалывается, медленно разлетаясь и исчезая здесь. В ту же секунду машина дёргается вниз, как только вода проникает, забирая у него остатки воздуха. Парень нервно дёргается. Я опускаюсь снова и пробиваю отвёрткой эту грёбанную подушку. Та шипит последними остатками кислорода.

“Вылазь!” - хватаю руку, выронив средство его спасения. Не торопится, не понимает. Его будто заморозило паникой. Он будто уже смирился, идиот! И не пристёгнут хотя бы...

Тяну на себя, опять царапаясь об осколки, медленно оседающие.

“Дава-а-ай!”

Упираюсь ногами в дверцы, пытаюсь его вытянуть. Наконец очухивается и опять смотрит на меня, как на нечто неведомое. И пытается что-то сказать, тут же начиная нервно глотать воду. Идиот! Ну какой же он идиот! Захлебнётся же! Рядом дрожит свет. Сейчас погаснет!

Я еле как вытягиваю этого брыкающегося волкодава, подающего смертельной панике. Что ещё!? Страшно наконец тут сдохнуть? А раньше не доходило!?

Он хоть плавать умеет? По крайней мере, сейчас об этой способности не вспоминает. Я подхватываю его сзади за плечи, дёргаюсь вверх, но тот пытается рвануть и вырваться, ненароком утапливая нас двоих. Идиот!

Нам ещё везёт, что я натренирована и редко схватываю судороги. Бью его по плечу, не помогает, его скручивает. Твою

мать... со всей дури ударяю по спине и в тот миг, когда этот бугай замирает, тяну опять нас к лунному свету, хотя уже не знаю, сколько так не дышу. Ещё немного, чуть-чуть совсем.

Перебираю тяжелеющими ногами, чувствуя, как это со-кровище неземное начинает расслабляться, теряя сознание без солоно хлебавши.

Ещё пару мгновений и резко вырываюсь вверх, со всей дури вытаскивая его на воздух. От притока кислорода кружится голова, пытаюсь дернуться и опять перебираю руками, пробуя отдышаться. Нервно осматриваюсь - здесь ничего и не изменилось. Никто ещё не приехал!

Пытаюсь отгрести рукой, второй поддерживая голову ви-зави.

Волосы тут же стремятся превратиться в сосульки. Наверное, на кикимору похожа! Смеюсь, вдруг почувствовав облегчение. Даже хорошо, что он сейчас в отключке, окончательно бы перепугался!

А теперь самое сложное... вытянуть его и выбраться самой. Под руками крошатся края льдин, их приходится отшвыривать, и в какой-то момент я опять пытаюсь не паниковать, пробираясь всё ближе и ближе к берегу. Он не думает прийти в себя, это паршиво.

Похоже, выхода не остаётся. Видимо, придется вспомнить из курсов, как делают ИВЛ на плаву. Да, никогда не делала сама, но видела же! Удерживаю его, просовываю правую руку под его рукой, ладонью упираюсь в подбородок и запро-

кидываю ему голову, пальцами закрывая рот.

Мамочки, что он такой крупный-то...

Чуть поворачиваю, чтобы самой было удобнее, и на рывке закрываю глаза, вдувая весь мой воздух в его нос. Отстраняюсь и повторяю ещё раз. И ещё. Не помогает.

Надо выбираться. Наконец нащупываю хоть что-то статичное, пытаюсь всплыть, шевеля отяжелевшими ногами, и резко выныриваю, чуть утапливая этого парня. Мамочки, наконец-то! Откатываюсь боком, не отпуская его. Он тянется за мной, и сцена дико похожа на ту самую у “Титаника”, но отпускать этого идиота, как Кейт отпустила Дикаприо, - не в моих правилах.

Глубоко дышу, отползая подальше настолько, насколько могу. Хватаю его руку, тяну - сколько он весит? Лёд под его тяжестью трескает, мамочки!

Повторяю попытку снова и снова. Отползаю всё дальше и дальше, пока его тело не поддаётся. Сколько у нас времени? Сколько даётся на спасение из холодной воды? Не помню! Рывок, второй, третий. Снова назад. Вновь пытаюсь тянуть, проклиная всё вообще.

Выдох... наконец-то!

Хватаю его ноги и закатываю, пытаюсь не метаться, ибо тут до сих пор опасно. Он, ясное дело, не дышит. И может всё это зря уже, но пытаюсь чуть приподнять его бедра, планируя освободить дыхательные пути. Сцепляю ладони, как учили, отсчитываю нужный ритм и кладу те на его грудную клетку,

создавая со своей грудью треугольник.

Раз. Два. Три. Четыре. Пять. Раз. Два. Три. Четыре... Досчитываю до пятнадцати и тянусь к посиневшим губам, чуть приоткрываю их и вдыхаю воздух два раза. Снова возвращаюсь к грудной клетке. Опять пятнадцать нажатий. Опять два вдоха. Снова пятнадцать. И снова два. Снова... и снова.

Пожалуйста... я же себе не прощу!

На очередные два он вдруг дёргается и начинает выплевывать воду. Переворачиваю на живот, давая остаткам стечь нормально. Его скручивает, а я начинаю реветь, размазывая слёзы по оледеневшим щекам. Просто падаю рядом и смотрю на это небо звездное, искренне Бога благодаря.

Выжил... Господи, выжил.

Закрываю лицо дрожащими руками. Даю себе ещё пару мгновений, следом встаю на колени, понимая, что сейчас надо ещё как-то добираться до машины.

— Живой?

Сама себе отвечаю на выдохе:

— Живой.

Уже дрожит, и это хорошо. Кто бы знал, как же это здорово! Я начинаю тянуть нас к берегу, до которого тут совсем чуть-чуть. Он не понимает моих желаний да и ослаб ужасно. Судя по тем биениям в воде - силы хорошо так истратил.

Почему никто не едет? Я же верно всё назвала? И в таких тачках вроде Глонасс есть, да?

Радуюсь “твердому” берегу под ногами, как маленькая.

Он начинает понимать, где находится. Даже не пытается больше безмолвно со мной пререкаться и вырываться из моих объятий. Даёт себя затащить, перебирает ногами. Цепляется, как и я, за сугробы.

Выходим к моей машине. Хорошо, что я её не заглушила. Открываю ему дверь, запихиваю внутрь. Оббегаю свою Ладушку и лишь миг тяну, начиная понимать, что лучше бы... раздеться. И только сейчас вспоминаю про оставленную одежду. Прек-рас-но!

Сажусь на водительское, смотря, как парень рядом давит собой мой тут же намокающий телефон. Выдёргиваю гаджет и шиплю, откидывая тот на заднее сиденье. Оттуда же срываю плед, подаренный бабушкой не так давно. Кидаю в него.

— Снимай всё. И укутайся, ладно? Можешь?

Даже не пытается отреагировать. Чертыхаюсь опять, начиная раздеваться сама. Хлюпающие ботинки поддаются быстро. С джинсами всё сложнее - те прилипли чуть ли не намертво, так что приходится выгибаться здесь и вертеться, словно юла. Откидываю их назад, а он так и сидит дрожа.

Включаю печку на полную мощность, радуясь, что ещё на днях её починила. Будто знала, что пригодится. Сейчас та начнёт кочегарить, и это хорошо. Очень.

Растираю себе пальцы, хотя меня всю бы здесь отогреть. Я была в воде дольше него. Чудо, что выбралась. Ещё и этого волкодава вытянула.

Но сейчас почему-то не хочу думать об этом, опять вы-

дохнув и повернувшись к этому дураку.

— Ты меня слышишь? Нужно раздеться.

Парень вдруг хмыкает и чуть поворачивает ко мне голову. Кто его знает, что там в этих карих омутах вообще? Откидывается на спинку и закрывает глаза, тяжело выдыхая.

— Ну окей, будем считать, что ты мне разрешил!

Тянусь к нему, стягиваю футболку и заставляю поднять руки. Та застревает на его бицепсах, и в общем-то именно тут я бросаю эту идею. Пусть сидит так, теперь я уже не в ответе. Скоро все приедут и...

Можно будет ехать домой к бабушке. У неё завтра день рождения, а мне не терпелось до утра. Даже Юлька говорила, что попытается отпроситься у своего патриархально настроенного парня, с которым вот только-только начала встречаться.

Не люблю таких. Но и рушить их уклад, если почти Ивановой так нравится, не могу. Поэтому, мать их всех, я тут сейчас.

А если бы нет... этот перекачанный мажор бы утонул? Поворачиваюсь к нему и замираю, разглядев его темнеющий взгляд, замерший в области моей...

— Не смей пялиться на мою грудь! Ты чего!? Отвернись!

Он смеётся пугающе низко и впервые за всё наше “знакомство” произносит хоть что-то:

— Её там вообще-то нет. - Шепотом и нервным постукиванием зубами.

Хмыкаю, даже не обидевшись по поводу своего первого размера. Ну да, так же и есть.

— Всё равно, говорю, отвернись!

Парень не торопится слушаться, заставляя этим взглядом меня саму сцепить руки на белом промокнутом насквозь спортивном топе.

— Как это называется? - Очень низко опять.

Прогоняю непрошенные мурашки и лишь на миг опускаю взгляд вниз. Ну да, ожидаемо! Там пирсинг сейчас выпирает через ткань вместе с сосками. Это от холода... физиология.

— Отвернись...

— Это штанги?

— Да, это штанги. Доволен?

Он кивает и наконец отворачивается к окну. Я даже успеваю расслабиться, начиная чувствовать пробирающее тепло, но то тут же отступает под гнѐтом его низкого голоса:

— Ты не в моём вкусе. Но выглядит сексуально.

— Нормальный вообще? Ты как бы тоже... не в моём.

Хмыкает, будто вообще не поверил. Идиот самодовольный!

Bad boy / Пока, русалочка

Инстинкты заставляют вспоминать,
что тот всего лишь творение природы.

Тэми.

Красивый голос... И такой странный цвет... всё её тело будто исписано мехенди, но на деле - это глубокие царапины, сотканые из моей вины. Она какая-то нереальная... будто сирена, убивающая, или русалочка, умирающая.

Нас трясёт, сколько не пытайся выйти "из этого круга". Я должен быть ей благодарен. Но это всё вообще не то.

Забавно осознавать, что единственное, о чём смог думать, едва прогнав из головы этот выдуманный образ, оказавшийся простой разукрашенной девчонкой, так это то, как её грудь с этими штангами на выпирающих сосках будет смотреться в моей руке. Я нормальный? Всё в моей голове окау?

Так что приходится молчать и расставлять ноги пошире, укрывая те скомканным пледом. Будет неловко, если она заметит поразительно очухивающийся стояк, совершенно не уместный для данной ситуации. Смерть смертью, мороз морозом, дрожь дрожью, а я тот ещё кобель, да. Не новость. Но на неё? Вот на неё? Вот точно сейчас? Или это... посмертное? Ну, мало ли. Бывает же такое? Может, она меня не откачала. Нервные окончания не отошли, окоченели...

Так что выбираю смотреть на реку, в которой мне не дали

утонуть. Надо всё же поблагодарить. Но лучше пока ничего не говорить. Просто молчать, Тай. Молчать... молчать... да как тут молчать!? Как она это сделала!? Как можно было вытащить большого и сильного мужика из ледяной воды в мороз!? Как!?

— Ты кто вообще!? Как ты это... сделала?

Та кривится, чуть приподнимая бровь и тут же отворачивается обратно.

— Как надо.

Хорошо объяснила, я всё прекрасно понял и осознал, эн-дэш...

— У тебя там шмотки лежат? - Замечаю что-то тёмное на берегу.

Дрогнув, шумно вздыхает и не думает отвечать. Дубль три:

— Мы чего-то ждём?

Перебирает синюшными губами:

— МЧС и скорую.

— Да?

Та вцепляется в руль, прижимаясь к нему и поражая своим отсутствием ответа. Кто её воспитывал? Но вместо просящихся слов, шумно выдыхаю сам, разглядывая изгибы её спины.

Не в моём же вкусе. Когда я в последний раз разводил таких досок? Никогда? Как-то всё были другие... Как минимум, с третьим и бедрами, не умещающимися в одной руке.

А она такая... поджарая, мышцы явно стальные напряжены - дотронешься - порежешься.

Никогда такие не нравились.

И волосы её эти сырущие стекают по плечам, якобы скрывая от меня что-то. Цвет интересный... корни темнее, а сами бывшие "локоны" бирюзовые с серым отливом. Ей нормально так? Она кто? Сколько ей лет? Восемнадцать? Старше? Насколько старше? Кто вообще после двадцати красит так... эндэш, Таймурад.

Смотрю на красивые чуть опухшие губы, поднимаюсь к аккуратному шмыгающему носику. Глаза, кажется, серые. Но та их постоянно закрывает, пытаюсь выровнять скомканный танец грудной клетки. Реснички - не поймёшь, может и ламинированные. Её не назовёшь красоткой, но что-то в ней точно есть. Что-то чарующее и абсолютно далёкое для меня. Я такое никогда не пойму...

И кажется, что она выше, чем люблю. Тогда зачем разглядываю? Ради чего? Поблагодарить и смотаться, пока не начала раскручивать меня на бабки, можно и без запоминания её интересных черт.

Ага... только для начала надо хоть кого-то дождаться. Поэтому отстраняюсь на сырущую спинку и закрываю глаза, сцепляя руки на до сих пор потряхивающихся коленях.

В этой тишине помимо нашего дыхания и тихого стука мотора наконец раздаются звуки приближения скорой. Девочка рядом слишком шумно выдыхает, будто только этого и

ждала, ногами находит свои рокерские ботинки и резко хватывает с моих ног плед, заставляя снова посмотреть на неё... Я мог бы так заснуть, возможно. Или уже сплю на той шайтан-глубине, окончательно утонув? Такое невозможно. Просто противоестественно... Я тяжелее неё раза в два, она меня даже сдвинуть с места не сможет, верно?

Не смотря на меня, укутывает свои острые плечики, в очередной раз шмыгает носиком и так же бодро выходит из машины, лишь бы со мной здесь не находиться, похоже.

Я возвращаю по-прежнему сырую футболку на положенное место, морщусь от пробирающего озноба и просто дышу ровнее, ожидая, когда здесь кто-то покажется. Следом за скорой спешат спасатели, паркуясь от нас неподалёку.

Замечаю в зеркало, как эта русалочка им что-то жестикулирует. Заболеет же, глупая.

Спустя пару моих сжиманий костяшками у дверцы этой машины замирает дядечка-доктор.

— Молодой человек! - Стучит в стекло и продолжает на мой кивок. - Пройдёмте в машину к нам!

Приоткрываю, запуская в тёплый салон ледяной воздух.

— Надо в больницу?

— Ну конечно, вы чудом же живы остались! Знаете, лёгкие не сразу...

Не хочу слушать.

Просто выхожу, смотря, как этой Русалочке улыбается какой-то парень, совершенно не спешащий ко мне. Он кто во-

обще? Спасатель? Всех спас? Молодец такой? Огибаю русский автопром и забираюсь в кабину скорой. Врач залазит следом, пока я киваю, кажется, медсестре, уже что-то здесь записывающей. Миленькая такая, как раз больше похожая на то, что я обычно потребляю, если не учитывать состояние и количество потраченных на их красоту нулей.

Пуховик расстегнут, под ним халатик с едва застегнувшимися пуговками на полной груди. И личико такое - наивно очаровательное. Как обычно.

— Ваши Фамилия Имя Отчество и дата рождения, - говорит она, чуть смутившись.

— Амиров Таймурад Каримович. Двадцать первое февраля девяносто шестого.

Рядом мужик тихо шепчет:

— Тот самый Амиров!?

Хмыкаю...

— Тот самый Амиров.

— Ой, папка твой рассердится, люлей пропишет! Ты машину утопил, да?

“Папка”? Он кто такой, чтобы так фамильярно ко мне или к моему отцу?

— Вы не перегибаете? Хотите получить нынче премию, помолчите.

Девочка напротив кусает губу и по-сучьи невинно улыбается. Смешно. Мужчина же цокает и отводит взгляд, тут же приступая к своим обязанностям.

— Так, ладно... Отогрелся уже?

Не то слово. Решаю заметить:

— Вы бы там девушку осмотрели. Продрогла вся.

— Да она отказалась, забей, - отмахивается доктор, думая начать свои измерения. Начинает с тонометра, следом проверяет мои нервишки, замеряет уровень кислорода и возится с какой-то дрянью...

В общем, проводит осмотр, пока смотрю на силуэт напротив, но особо его, как всегда, не запоминаю. К нам заглядывает тот самый МЧС-ник, спрашивая мои данные и данные машины. Парень уточняет, как всё так произошло, намекая, что, ещё придётся побеседовать с почему-то до сих пор не прибывшей полицией и обрадовать свою страховую на предмет реализации КАСКО. Чувствую, те будут теперь улыбаться мне не так уж и искренне. Ну, до покупки новой тачки.

И эта русалочка успевает уехать, а я так ничего и не сказал. И имени её не узнал... тут кто-нибудь кроме этого спасателя знает? Надо будет найти, отблагодарить.

Но пока я борюсь с желанием переступить через свои же "принципы", этот последний лучик света в форме быстро исчезает, на пару минут забирая с собой объект моего мнимого внимания. Та возвращается как раз тогда, когда мы заканчиваем.

Дядечка-доктор уходит к водителю, выключая здесь свет и оставляя меня один на один с едва дышащей дурочкой.

— Привет, - шепчу ей, как только трогаемся с места, -

долго ехали *ко мне*? - Выделяю последние слова, вкладывая в них то, что она и так начинает понимать.

— Привет, - так невинно-невинно и тихо-тихо, - ну, тут минут тридцать, наверное...

Сойдет.

— Тебя как зовут, принцесса моя?

Что-то называет, я даже не пытаюсь запомнить.

— Красивое имя. Родители постарались.

Та щебечет какую-то дичь в ответ на мою, а я обрываю, особо не заморачиваясь, ибо напряжение в голове пора просто снять подручными средствами:

— Иди ко мне. Никто всё равно ничего не услышит.

А если и услышат, то сделают вид, что глухи, немые и слепы, ибо фамилия названа, а увеличивающаяся на глазах премия в этом месяце может в любую секунду обратиться в пену.

Решает особо не сопротивляться, уже на следующей кочке встаёт, рванув, пока я выуживаю из кармана верное средство от венерических и прочих проблем.

Усаживая её на колени, тут же приближаюсь к губам, думая скользнуть по ним пародией касания.. Айщ, курит... Аж отстранился, смотря как та уже строит и обустроивает воздушные замки, заселяя в них пять девочек и два мальчика от меня. Наконец хлопает ресничками и обвивает мою шею.

— Ты чего? - Тянется к лицу, взяв инициативу. Неа, не даю. - Что-то не так?

Не то слово.

— Привкус сигарет не люблю.

— Тогда сейчас не будем целоваться, да?

— Сэгелмэ*...

Как всегда, не понимает, начиная жужжать:

— Так красиво прозвучало! Это что-то романтическое?

Ухмыляюсь, кивнув, вручаю презерватив, пока её руки тянутся к моей ширинке, расстегивая молнию в этой ночной тишине, раскрывая зубчик за зубчиком. Почти резиновая леди восторгается сама не зная чему, не догадываясь, что все лишь портит. Какие же... однотипные.

Так что прошу помолчать и распахиваю халатик, справляюсь с аккуратно заправленной в юбку кофтой и касаюсь груди, пока ещё укрытой в кружеве. Даю бюстгалтеру чуть спуститься... Упругая, наливная, простенькая, только вот на ощупь, после стольких баб, ничего вообще особо запоминающегося.

И почему в голову сейчас лезет эта Русалочка? Нет уж, благодарю. Что изменится-то? Просто размер? Ерунда.

Крепче удерживаю активно ерзающие бедра, пока их обладательница, более не стесняясь, искусно делает вид, что я явно их грешный "Бог", лишь бы только её похвалили. Но мне вот вообще все равно, я хочу просто спокойно вышвырнуть из башки этот день, не задумываясь, умудрится ли получить "удовольствие" она или погрознет в своем театре одной постановки.

По ощущениям чуть похоже на симулирующую в последние годы Аленку, уверовавшую в свои скромные актерские способности. Я сыт этим до оскотины, давно вообще не вкусно, но... разве всем этим актрисам можно ставить плохие рейтинги?

Так же для меня лучше. Так проще. Это же просто грязный и дешёвый секс.

Так что, Таймурад, эндэш... и получай своё грязное "удовольствие".

* Очень грубое “заткнись”, скажем мягко.

** "Молчать".

Девочка из комиксов. 4

Природа любого живого существа
включает в себя что-то значимое.

Это то, что нельзя разрушать.

Влада.

Кутаюсь в курточку, которую мне любезно принёс парень в форме, представившийся Пашей. У того похоже странный вкус, ибо с меня глаз не сводил. А я как бы выгляжу сейчас точно не краше бабы Яги. Прощаюсь прежде, чем тот успеет мне что-то сказать по поводу его интереса.

Но контакты приходится оставить, я же тут... свидетель? Верно запомнила? Блин, даже адрес работы спросили, как же у них подробно всё! Знала бы раньше, не стала бы влазить.

Ладно, вру. Все было бы так же, всё равно бы нырнула...

Снова сажусь в свою любимую Ладушку и тихонько закрываю за собой дверь. Лишь на секундочку смотрю на сырое сиденье рядом, перевожу грустный взгляд на комок из моих же джинсов, ёжусь и касаюсь лбом руля, выдыхая и не веря в то, что произошло вообще!

Я же и так водить боялась, а теперь как... Ну вот как!?

— Всё хорошо. Хорошо всё! - Выжимаю сцепление и дальше делаю то, что объясняли не так давно в автошколе. - Ничего страшного. Сейчас тихонечко и доеду! Тише едешь даль-ше будешь... Быстро только кролики...

Вспоминаю все эти поговорки из бабушкиных уст. Та мне, наверное, голову отвернет, когда увидит меня одну у своей калитки в такое время и в таком виде.

Легче вообще же не становится! Трушу...

И это кто боится здесь? Что эта за сладкая девочка такая почти поседела, а? Я! Несостоявшаяся олимпийская чемпионка (губу можно уже закатать, ибо не сложилось), лицензированный тренер маленьких водных красавиц и победительница всех местных заплывов, до которых могу дотянуться! Да Владислава Александровна Рудных и страх - это же абсолютно разные вещи! Угу... Я же бесстрашная, да? Настолько, что чуть не утонула, спасая какого-то мажора? Мо-о-ощно!

Включаю магнитулу, заставляя старые колонки ёжиться, но все же выплевывать потрясающий тембр Ронни Радке. Кажется, моей русской малышке абсолютно не нравится этот почти сорокалетний американец, покрытый татуировками процентов на пятьдесят. Машина думает глохнуть, будто перепугавшись, и всё прерывает громкость смешения разных музыкальных стилей в его исполнении.

Зато он нравится мне... очень! И этот мужик хотя бы в моем вкусе в отличие от... всяких там идиотов, пытающихся утопиться.

А еще хочется верить, что благодаря рэпу с хардкором я успокоюсь и уже наконец доеду. Больше без неожиданностей.

За окном хлопья снежные кружатся в таком ритме, что

дворники не справляются. И вообще колея (после серии оттепели и резких заморозков) не обещает чего-то хорошего. Надо ещё тише, но спидометр и так не поднимается выше двадцати.

Тихонько заворачиваю, следуя за стрелкой указателя с названием нашей деревни, из которой уехала аж десять лет назад. Добираюсь до первых домов и делаю музыку тише, не желая кого-то будить.

Радке как раз поёт строчку:

"I'm a liar, I'm a cheater, I'm a non-believer"

[Я лжец, изменщик, неверующий]

И это напоминает историю его жизни, а мне почему-то даже хочется её повторить.

Сворачиваю на нашу улочку и проезжаю четыре дома, заворачиваю на уже огребённую парковочку возле маленького невысокого домишки, думая поругать за это бабушку. Надорвется же! Я бы сама всё почистила, а она так гордится, что единственная внучка наконец с десятой попытки получила права, ужас просто!

Поправляю кофту, застёгиваю куртку, надеваю шапку и тихонько выхожу из машины, тут же расслышав, как из будки за воротами выходит Люська, звонко задрезав цепью. Та добродушно лает, узнав меня каким-то собачьим чутьём. Ей уже лет двенадцать, наверное, старенькая совсем и вроде толком не видит.

Успеваю открыть калитку и зайти внутрь, погладив беле-

ую смесь алабая и лабрадора. Та довольно тычется в руку до тех пор, пока не слышит вышедшую бабушку.

— Душечка, ты приехала!?

— Я, бабуль.

Моя драгоценная выглядывает из-за дверей тамбура и охает заулыбавшись.

— погоди, сейчас свет в сенях включу! А то пробежала же...

— Да не надо, заходи лучше в дом.

— Сама давай не тяни, простудишься!

Это точно.

Завтра, с утра пораньше, нужно будет из багажника достать подарок, приготовить стол и созвать всю деревню, вроде как обожающую эту женщину в платочке. В понедельник же снова на работу, и болезнь в мои планы точно не входит. А я не знаю, как сейчас не дрожать...

Захожу за ней в дом, та встаёт у печи, улыбаясь мне лишь миг. А потом замечает мой вид и охает пуще прежнего.

— Это что ж с тобой стало-то! Как покойница вся! А сыра... вода бежит!

— Да случайность, бабуль. - Стягиваю всё верхнее, шмыгая носом.

— Да как же это случайность-то, душечка моя!? Что случилось?

Пожимаю плечами, повесив курточку на крючок. Обхожу её, оставляя носками сырые следы на досках, и ставлю сапоги

сушиться на верх печи. Надо бы достать из машины джинсы, но бабушкин плед стал неплохой юбкой... Та причитает, помотав головой.

— Ты вся же вообще, будто из таза окатили! Да не один раз!

— Ну так вышло, бабуль...

— Ой не юли, Владислава, не юли мне!

Не говорить же ей, верно? Только волноваться будет, да и что тут скажешь?

К счастью, та не настаивает. Отправляет переодеваться в свою комнатку-закуток. Нахожу ночную сорочку в комодике, до сих пор обклеенном наклейками моего детства, поверх надеваю халат, еле как справляюсь с завязками, до сих пор не чувствуя кончики пальцев. Мельком смотрю в зеркало и ужасаюсь тому, что вижу: тело в синяках и царапинах. Как работать в таком виде? Ещё решат, что меня избили...

Вспоминаю его почти удачную попытку меня утопить, когда начал вырываться. Хмыкаю... не такая уж и ложь.

Странный он. Зачем на обгон пошёл, зачем прямо перед моей машиной нырнул, зачем выбраться не пытался? Или пытался, а я просто надумываю? Не знаю.

Выхожу на кухню, где меня отпаивают чаем с малиной, замечая мои до сих пор не отогревшиеся ноги. Отправляют погреться у печи, даже приносят вторую кружку туда, всё не переставая причитать и волноваться.

— Совсем себя не бережешь. Точно же натворила чего, а

мне не говоришь, будто я тебе не кровна!

— Бабуль, - улыбаюсь, почувствовав, как разогналась кровь по венам, снова делая меня теплокровным существом, - наоборот, я очень тебя люблю. Не волнуйся, ладно? Яша завтра приедет?

Вспоминаю о ненавистном братце только для того, чтобы прекратить расспросы...

— Да какой... снова занят... снова работа... Ты же знаешь, должность у него, деньги большие!

Хмыкаю, зная, какая у него там обычно "работа" и какая конкретно там "должность"... О да, о да! Танцор погорелого театра...

Бабушка же отмахивается и опять вздыхает, пока отхожу от печи, чтобы помыть кружку с её любимыми котиками:

— Спать давай, а то ночь уже.

— Давай, - касаюсь плеча и целую в щёку.

Та успевает шепнуть, положив ладонь на мой лоб:

— Тиной пахнешь, Владислава... не к добру это, не к добру, помяни слово моё!

Пожимаю плечами, чуть отходя в сторону своей комнаты.

— Завтра с утра баню истоплю, и всё уйдёт.

— Там воду с колонки надо таскать, а сейчас что? Так и спать будешь? Что ж случилось-то такое, не скажешь?

— Не скажу, ладно?

Вздыхает, чуть прищурившись. Снимает с себя фартук с вышитыми народными узорами. Вешает его на крепкий де-

ревянный стул и только после находит ответ:

— Люди всё равно судачить начнут, если было что...

— И ладно!

— Я всё равно пойму, Влада!

— Хорошо.

— Ой от чёрта твоё упрямство, от отца твоего! Даже Яшенька не такой... он хоть в матушку вашу, Царствие ей небесное.

Улыбаюсь, чуть дрогнув. Притворно зевнув, киваю, разворачиваясь и тут же уползая в комнату, которую давным давно делила с братом. Но его здесь лет десять не было толком, так что...

Ложусь в постель, зарываюсь в тёплом пуховом одеяле, накидываю сверху ещё одно и поджимаю к себе ноги, только сейчас чувствуя, как чудовищно я устала. Завтра если не слягу, мышцы точно откажут - это пока я ещё на адреналине ничего не понимаю...

Но вместе с борьбой со сном всё вспоминаю *его* взгляд в тонущей машине. Тот... пугающий.

Хорошо, что мы больше не увидимся. Радует, что он выжил, а то я бы и правда себе не простила.

И здорово, что всё же кинулась и спасла его, наверное.

* строчка из песни Popular Monster группы Falling In Reverse. Осторожнее: музыка тяжела.

Bad boy / Кто ты такой вообще!?

Разрушение не всегда заметно,

но мир же цикличен, верно?

Тэми.

В больнице прошу у этой светящейся от счастья барби смартфон. Вместо своих цифр, которые та, похоже, ждёт, набираю единственный номер из всех верениц друзей и знакомых. В такой ситуации больше не вспомнил бы никого.

Подношу к уху и натягиваю улыбку, посылая девушке, чуть сжавшей губки, воздушный поцелуй.

— Тай, блин, - раздаётся сонное бурчание родного брата девушки, отношения с которой нам когда-то устроили родители.

Точнее, мой отец.

Перехожу на родной.

— Дамир, помощь твоя нужна.

— Что случилось?

— Забери из больницы сейчас.

— Чего? - По-русски.

— Районная, - парирую ему же, снова перехожу обратно, - только с номера этого не бери, если позвонит кто.

— Типа я тебя не знаю?

— Конечно.

Тот цокает, зевнув и, походу, потянувшись. Шепчет почти

жене своей:

— Спи, Нин, я быстро...

— Ага, - вмешиваюсь. - толькохвати шмотки какие-нибудь, ладно?

— Че-го? - Снова по-русски.

— Я вымок весь.

— Че-го? Что за бред, не расскажешь?

— Кутагымамы ул сина?* - Любезно улыбаюсь обладательнице телефона.

— Ладно, - осекается Дам, - твои проблемы.

— Да, жду.

Отключаю вызов и передаю смартфон ей.

— А твой номер? - Щебечет девушка.

— А ты же помнишь, что всё утонуло, да? - Натягиваю улыбку ещё шире. - На этот если что звони, мне обязательно передадут.

— Ммм, - чуть с недоверием, - хорошо. Тебе помочь чем-то?

— Да, слушай... - Делаю шаг навстречу и замираю на расстоянии пары сантиметров, заставляя к себе поднять эти милые испорченные щёчки, - девочка та адрес не давала?

Прежде, чем вскипит ревность на огне гордости, тихонько наклоняюсь и целую в висок, шепнув:

— Спасла меня она, ты же понимаешь, да?

Ещё бы сказала “нет”.

— Ну, я точно не брала! Если только ребята те. Там Пашка

дежурил, мы иногда пересекаемся, - осекается, смутившись, - пересекались! Вот...

— Номер есть?

— Так с тобой же всё равно свяжутся!

Хмыкаю, кивая в сторону её ладошки, до сих пор не убравшей смартфон.

— Как? Домой наведаются за мои красивые глаза?

— А, ну да, но...

— Так номер есть?

Кивает, чуть обидевшись на слегка повышенный тон. Указываю на чей-то блокнот в этом кабинете приемного отделения.

— Напишешь? Я отблагодарю...

Уже отблагодарил.

Выхожу в коридор, убирая бумажку с заветными цифрами в задний карман почти высохших джинсов. Нахожу здесь туалет, умываю лицо ледяной и смотрю на руки, по которым стекает вода, на этот раз не пытаюсь прогнать её из головы.

Меня... спасла.

Меня!

Если бы знала, кто и какой я, стала бы? Это интересно. Кто она-то такая? Как такая хрупкая тростинка смогла сделать в принципе не возможное даже для крупного мужика?

Выхожу обратно, сажусь поближе к выходу, закрывая глаза и откидываясь на сиденье, не желая слушать и созерцать всю эту людскую жизнь во всех её проявлениях. Мне хватает

своей. Всегда хватало. Я эгоцентрик, изменщик, лжец и та ещё тварь, конечно.

Спустя двадцать отсчитанных минут, если верить часам в этом холле, на парковку рядом заезжает GranTurismo Дамира. Я выбираюсь на крыльцо и машу единственному другу, как какая-то течная сучка. И я, конечно, о собаках, уеаа.

— Вещи привёз? - Здороваюсь крепким рукопожатием, переходящим в детское биение предплечьями.

Тот кивает в сторону машины и уточняет:

— А твои-то где?

— Утонули.

Едва слышно матерится и отходит обратно, быстро перебегаая дорожку, заприметив подъезжающую к нам скорую. Повторяю за ним и уже через пару секунд оказываюсь возле отлетающей двери, залезая в тёплый салон.

— Как свадьба? Давно вернулись? Как там этот... - морщусь, - Стас... с ней?

Мир садится удобнее, выдыхает и только после этого смотрит на меня, заводя машину.

— Ты же понимаешь, я не мог не ходить. Он тоже мой друг. А Алика - сестра родная.

— А я говорю что?

— Нет.

— Так как она? Счастлива с ним? Платье красивое?

Сводит губы в тонкую линию, выдыхает...

— Счастлива. Красивое. Слушай, если бы не ты с твои-

ми... замашками...

Обрываю. Никогда не любил нотаций.

— Да знаю я.

— Тогда что ты меня грузишь сейчас, а? Мы только за-
снули с моей Ниной...

Хмыкаю, вытягивая одеревеневшие ноги.

— Ну извини, больше набрать было некому...

— Вот Таймурад... что ты такой проблемный? Хватит
уже! Лучше просто...

— Эндэш**?

Кивает. Затыкаюсь до конца поездки. Тот выкидывает ме-
ня у шлагбаума возле отцовской многоэтажки, в которой мне
за “выдающиеся заслуги” выделен пентхаус. Дам, ни слова на
прощание не сказав, быстро сматывается, разгоняясь к лю-
бимой по свободному шоссе. А я разворачиваюсь и киваю
выглянувшему и зевающему охраннику. Тот молча отводит
взгляд, по-хе-ррр.

Спешу к главному входу, сцепляя ладони на локтях. До-
бегаю, нажимаю на кнопку вызова консьержа и тихо мате-
рюсь на своём, когда эта женщина не спешит мне ответить.
Повторяю ещё раз...

— Ой, Таймурад Каримович, это вы!?

— Дверь... - рычу тише, - откройте!

Та тут же пищит, наконец давая мне возможность зайти.
Прохожу в холл, нажимаю на кнопку вызова лифта. Киваю
на щебетание этой бабушки, причитающей о моём виде.

— С Вами всё в порядке? Вы как-то странно одеты...

Оборачиваюсь и улыбаюсь штатной улыбкой.

— Более чем.

— Ваш отец сегодня приезжал. Недавно совсем. Злился сильно, что Вас нет...

Странно.

— Благодарю искренне.

Я бы любезно добавил имя, но моё “туго запоминаю” распространяется вообще на всех. Да и лифт наконец спускается, открывая малую кабину. Так что, откланявшись, заканчиваю диалог.

Интересно, что отцу надо было. Или из-за Алики со свадьбой этой? Он же до сих пор верил, что я всё наше прошлое с ней верну и получу наконец для него заветные земли, записанные в реестре на семью Исмаиловых, каким-то чудом усыпив бдительность Дама. И даже если учесть, что в Алику я впоследствии влюбился, ну или привык к её существованию рядом, то её брата лишить приличной доли наследства... с этим сложнее.

Отец говорит "не лишить, а реализовать потенциал". Но по факту, это клубок лжи.

Может, поэтому я тянул с вполне удобным браком. Не знаю, едва ли у меня где-то есть совесть. Не знаю. Надо было раньше действовать. Сразу, а не обещать узаконить отношения при каждом удобном поводе, раздражая своей “несостоятельностью” отца и расстраивая эту уже не мою девочку

с чёрными как смоль волосами.

Выхожу на последнем, набираю пароль от двери. Замок поддаётся сразу, впуская меня в моё крошечное одиночество. Стаскиваю с себя шмотки, откидываю кофту Мира, точно зная, что растянул её. Я шире в плечах стал. Тот даже ржёт над этим. Говорит, раскачался.

Именно, что “раскачался”. Есть какие-то ещё варианты законно сбросить царящее в башке напряжение от происходящего? Ну, кроме секса со шлюхами, алкоголя и болящей головы под позднее утро. Гонки? Нагонялся сегодня. Наркотики? Не из той лиги. Работа? Отчасти. Друзья? Нет их. Почти. Тысячи знакомых и пустых лиц.

Отшвыриваю джинсы, стягиваю футболку, трусы, отношу шмотки в стиралку и только в последний момент, уже закрыв дверцу, вспоминаю про записку, любезно написанную той куклой.

Надеюсь, там не её номер. Как она спасателя того назвала? Дима, Саша, Паша, Миша? Если бы не эта синеволосая, спасти бы было некого.

Запускаю всё же машинку, быстро приняв душ и уходя с бумажкой в сторону спальни. Падаю на огромную кровать, сминая под собой белоснежное постельное. Тянусь к тумбе, достаю с той планшет. Загружаю приложение мессенджера и ввожу одиннадцать нацарапанных цифр. Поисковой запрос обновляется, заставляя меня морщиться и выдыхать:

— Ха, кутакка бар эле, ясно?***

Откидываю тот обратно, поражаясь тому, что уже вызубрил все эти бабские штучки. Это даже не интуиция. Опыт. На экране ещё мерцает “Добавить в контакты” такую-то, отсвечивая личиком пока ещё знакомым, которое на эту “случайность” невинно округлит глазки и напишет “Ой! Я ошиблась, прости-прости! Это точно судьба!”.

Так и поверил.

* Очень грубое “Зачем тебе это знать?”.

** “Замолчать”.

*** Таймурад отправил девушку в очень далекое нецензурное плавание, пожелав приятного ей путешествия.

Bad boy / Вкус пахлавы

*Верно*ли, что вера всегда должна идти
от сердца и иметь нейтральное послевкусие?
Откуда ему её взять, если не было?

Тэми.

— Таймурад, - разносится эхом над головой.

Отворачиваюсь от уже не зашторенного окна и закрываю
ухо подушкой.

— Таймур-р-р-ра-а-ад! - Повторяет гость громче и стро-
же, будто я какой-то мальчишка, к которому можно вот так
приходить и будить его...

Гневается. Заставляю себя сесть, потирая глаза и сглатыва-
вая от паршивого ощущения - горло будто исцарапано, пить
хочу. Сколько времени сейчас? Зеваю... Если он пришёл, то-
гда десятый час? Так рано? Снова нотации?

— Да, отец.

Он стоит у окна, рассматривая его любимый вид. Навер-
ное, если бы не образ успешного семьянина, этот старый муж
остался бы тут жить вместо меня. А хотя, там же на девятом
его содержания прописана, так что...

— Не устал ещё спать? Опять всё пропустил... Вставай и
соверши уже утренний намаз, как полагается!

Ворчит, обернувшись ко мне. Волосы уже давно пробра-
ла седина, хотя ему это даже к лицу, да и морщинки у глаз

стали ещё отчетливее, сколько их не скрывай. Возможно, это возраст, а может, он волнуется, что младший его всё никак не станет тем, кого тот старается вылепить.

За последние года молодящийся "просто Карим" чуть набрал, стал степеннее, и взгляд стал "добрее". Все наивно полагают, что дело в той очередной кукле со сделанными губами, грудью, задницей, ресницами, бровями, ногтями, носом и перезащитой... отдельной частью, ха.

Та не стала от этого краше, но ему нравится, он вообще любит к кому-нибудь привыкать, а потом втаптывать, когда надоест. Скоро "надоест", я уверен. Расправляю плечи, хотя всё равно не спешу убежать одеваться и искупать свою вечную вину свежим поклонением.

— Давай поговорим позже, да? - Добавляю улыбку. - Пройди на кухню...

— Я должен ждать сейчас? За пропуск одной молитвы спошлют семьдесят лет мучений! На сколько ты уже пропустил?

— На тысячу лет, отец... Чай?

От чаепития никогда не откажется. Даже если весь мир будет рушиться, найдёт время на кружку-вторую. Потому ухожу приводить себя в порядок, ставлю кипяток, достаю с полки байховый плиточный такта чай, соль, из холодильника - сливочное масло. Прогреваю заварничек, пару раз обдаю для приличия кипятком, прежде, чем всё начать... Отламываю побольше заварки, заливаю на треть и закрываю поло-

тенцем, хотя сам не перенял эту отцовскую любовь.

Сажусь за стол, ожидая, когда напиток заварится, чтобы позже ещё добавить воды. Мой уважаемый гость заканчивает любоваться окрестностями, перестав строить планы по покорению этого города и перестав думать на годы вперёд. Проходит и садится вальяжно напротив. Я, наверное, всё-таки ещё не ценю то, что было заложено им в меня с детства. Надо учиться ценить, он не вечен.

— У вас тут недалеко собираются дома сносить, ты бы узнал...

— На Армейской?

— На Калугиной. От Армейской нет пользы, даже лет через двадцать там ничего не изменится, запомни это. А на Калугиной я у нас продвину план по развитию на будущую пятилетку, и ты же знаешь, землю надо брать уже сейчас.

— Хорошо, отец.

Тот смотрит на свои руки, исчерченные линиями проступающих вен, поправляет перстень на безымянном, немного прокашлявшись. Медленно поднимает взор на меня и чуть кривит едва мелькнувшую улыбку.

— Вчера свадьба была у Алики твоей. Представляешь, просто в ЗАГСе с этим русским оформили. Совсем дочь распустили...

— Да, я знаю. - Поправляю футболку и делаю вид, что теперь сам увлечён созерцанием красоты в окне.

— Исмаиловы гуляют, Таймурад!

Опускаю взгляд на стол.

— Ммм, да, я понимаю, отец...

— А Дамир на свадьбу привёл эту... - знаю, чуть морщится, - Нано Шарвашидзе. Дочку Илии из пригорода! Помнишь такого? Он столько лет к нам пытался пробиться, а тут старшая наконец пользу принесла. - Снижает тон, ещё тише проговорив и метнув в меня копьё обид. - Дочь, ты понимаешь, Таймурад? Я столько лет ждал от тебя действий, а там этот нас уже обыграл...

Сжимаю губы, кивнув, пока не получается выкинуть имя бывшей из головы. Чужая невеста стала чужой женой... Алика. Аленька, Алая, Аля, Алечка... Как интересно!

Возвращаюсь к отцу, продолжающему мне объяснять:

— Представляешь, как этот старый жук счастлив? Её удачно отдаст сейчас, ни овечки не сосчитав, и треть столицы для своей фирмочки обретёт. И один ты остался не у дел, Таймурад!

Точнее, он. Ибо это его амбиции.

— И то, что хотел я, получить этот... грузин! - Сверкнул глазами. - В лёгкую. Понастроит здесь муравейников своих дешёвых, оглянуться не успею. - Чуть молчит. Но не получив реакции, вздыхает, начиная всё разъяснять по пальцам, думая, что я не понимаю. - Дамир же старший сын, Таймурад. Старший! И земли рано или поздно его всё равно заинтересуют. А ты что?

— А я эт секкен кеше*?

Прищуривается, кивнув.

— Славно, что ты понимаешь. И что будешь с этим делать?

Встаю, отходя к заварочнику. Доливаю воды. Жду немного, ухватившись ладонями за столешницу. Выдох... Что я буду делать? Вариант послать это всё не принимается? Беру две небольшие кружки с традиционными узорами, ставлю всё на поднос и добавляю пару блюдец с аналогичным орнаментом, аккуратно разложив сладости. Отношу к столу, ставлю сначала его чашку, потом свою, следя за каждым своим движением.

Карим Ильсур Улы довольно кивает, беря кусочек вчерашней фисташковой пахлавы из магазинчика неподалеку.

— Усердно работать? - Наконец отвечаю на вопрос, садясь напротив.

Смеётся, пригубив первым.

— Таймурад-Таймурад, я тебя чему всю твою жизнь учу? - Опять не дожидается ответа. - Ты меня понял, сын? Ищи варианты, как их всех перешагнуть. Иначе я не прощу.

Это сказано буднично, что можно было бы подумать, не знай я его, мол, он не всерьёз. Но с того момента, как младший мальчик вырос, кнут с пряниками перестали применяться, уступив место этой хитрости.

— Я понял.

— Очень хорошо. - Чуть улыбнулся, снова отпив из кружки, аккуратно держа ту. - Странный ты сегодня, сын.

— Да?

— Телефон не проверяешь, не зарядишь, всё дозвониться не мог до тебя...

— Ммм...

— И машины на парковке нет. Думал, не дома.

— Я просто... - Смотрю на чуть прищуренный змеиный взор, решаю улыбнуться. - На Т.О. отправил, на днях заберу.

— Да? Мне другое сказали, Таймурад.

Пытаюсь прочистить горло.

— Я всё сам решу, отец.

— Постарайся. Это в твоих интересах. - Берёт ещё один кусочек пахлавыв. - Тебе уже не семнадцать, чтобы так расстраивать твоих родителей.

Склоняю голову, кивнув.

— Понял.

— Славно, сын, славно. - Встаёт, допив всё и отказываясь от добавки. - Я рад, что ты не пострадал. На замену можешь пока взять Асину, она всё равно сегодня улетает подлечить здоровье... Скажу, оставит ключи на первом.

"Здоровье"? Надсадила девочка? Рабский труд должен быть оплачен? Мало впихнутого в тело ляма? Смешно... Вместо мыслей, как всегда, говорю ему:

— Благодарю.

Хмыкает, обходит стол, тут же положив руку мне на плечо и чуть склонившись, чтобы я слышал каждое слово и каждый лад домры его голоса:

— Пойми, в твоём сердце до сих пор слишком много сомнений. Бери пример с брата и сестры, Таймурад, хорошо?

Сжимаю костяшки, отвожу взгляд к окну.

— Да, отец.

— Вот и славно! - Снова хмыкает, улыбнувшись. - Я пойду, советую тебе начать молитву и добраться сегодня до Калугиной.

Ответа не ждёт. Я продолжаю смотреть в окно, не провожая его и даже не закрывая на замок дверь, расслышав, как та хлопнула.

Стать похожим на старшего брата? Брать пример с кроткой сестры, не доставляющей хлопот и принявшей “судьбу” свою? Со сколько лет её готовили к "счастливому" браку? С восьми?

... эндэш, Таймурад, эндэш...

* Говоря мягко, человек доставляющий много проблем. Тэми, как всегда, груб.

Девочка из комиксов. 7

Порой держать *нейтраль*- всё равно
что пытаться плыть против течения.

Влада.

Как клёво, что сегодня уже среда! Ещё три дня и наступит любимейшее воскресенье - можно будет вытянуть лапки и посмотреть дома какой-нибудь сериальчик, а пока...

— Антонина, подними ручки повыше. Да-да, вот так, умница! Кристина, повтори за Тонечкой. Умница!

Обвожу взглядом своих девчонок ещё раз - каждая из них ждёт похвалы, которую я никогда не жалела. Мне нравится эта группа, да и в общем-то моя работа тоже.

Одинаковые купальнички и шапочки для плавания начинают кружиться под мои хлопки, едва создавая рябь по воде бассейна. Мы уже почти закончили тренировку, так что сейчас просто оттачиваем гимнастику, которую, если по-хорошему, я им не должна преподавать. Но не всё же гнаться от стенки к стенке? Должно же быть в любом деле хоть какое-то творчество, верно?

Каждая из девчонок сейчас улыбается, расслабившись и впервые за это занятие перестав что-то кому-то доказывать. В первую очередь, самой себе. В спорте всегда так... прежде всего, надо стараться быть "быстрее, выше, сильнее" себя самого. Тогда всё будет получаться.

На последних па в зал начинают заглядывать первые мамочки. Мило улыбаются на мой кивок, и, как всегда, девочки сразу прекращают синхронить, высматривая, кто же это там пришёл.

— Ладно, всё, выходим из воды! - Вздыхаю, улыбнувшись.

Послушно подплывают, начиная девчачьи разговорчики и хохотушество:

— Владислава Александровна... А вы смотрели новую серию “Карамелек”?

— В выходные обязательно...

По бассейну проходит недовольный шепот. Явно же хотели обсудить её со мной.

— Ну, взрослая жизнь - она такая, девчонки.

— А я думаю, - пробегает мимо Ксюша, заглядывая в мои глаза, - что когда вырасту, буду делать всё, что захочу...

— Было бы здорово, - улыбаюсь ей, пока другие подхватывают и начинают размышлять, чем будут заниматься, когда дорастут до моих почтеннейших двадцати восьми.

— И мороженое!

Подхватываю.

— О, а я придумала! Как вырастите, будете за все мои слёзы носить мне по килограмму каждый день, поняли!? Я люблю черничное с шоколадным топингом, запомните!

Ларочка рядом вздыхает и едва слышно говорит:

— А мне совсем-совсем нельзя шоколад! Мама говорит, от него попа растёт...

Девчонки начинают хихикать, ожидая мой ответ на эту реплику.

— Твоя мама права, конечно. Но носить мороженое вы будете мне, а я уж свою большую попу как-нибудь переживу!

Те хватают полотенчики с лавки и обсуждают, пойдут ли мне лишние килограммчики. Сходимся на том, что в старости я буду всё так же мила, весела, играва...

Выхожу в раздевалку вслед за ними. Здравуюсь с ожидающими взрослыми, даю указания на следующее занятие, которое состоится, как обычно, в субботу. Отвечаю на дежурные вопросы о том, как сегодня всё прошло, стараясь выделить что-то особенное у каждой девчушки. Умалчиваю про шоколад, ясное дело.

Умиляюсь тому, как нежно почти каждая из девчонок липнет к маме или бабушке, переполнившись эмоциями за наше занятие. А ещё они соскучились. И даже Лара, которой запрещают многое, пытаюсь слепить из неё то, что хочет её мама, заглядывает на ту так, что сердце щемит, пока деловая женщина, как обычно, говорит по телефону, размахивая клатчем.

Дочери её мало, кажется. Возможно, это просто моё личное впечатление, не имеющее ничего общего с их реальностью... потому снова улыбаюсь шире и сцепляю руки за спиной, смотря, как девчонки уходят отсюда.

— До встречи, Владислава Александровна, - прощается каждая.

— До встречи, моя хорошая!

Когда за последними закрывается дверь, выдыхаю, сцепляя руки на талии. Так! Теперь надо убрать инвентарь, протереть пол от брызг, заполнить журнал и подготовиться к следующему... а там... индивидуальное занятие? Время три? Да, точно.

Мимоходом заглядываю в свой шкафчик, нахожу там смартфон и вижу один пропущенный от Юльки, которая как раз сегодня дежурит администратором.

— Да, Юлёчек-кулечек, - сдвливаю телефон ухом, заходя обратно.

— Влада! Наконец-то! Ты опять ничего не слышала!?

- Слишком эмоционально начинает подруга. - Там к тебе этот... пришли!

— Кто? Ринат на индивидуалку?

— Да какой Ринат? - Начинает кипятиться подруга, почему-то запыхавшись, - Там жеребец такой! Конь ретивый.

— Ты под чем-то, Юль? - Сажусь на край, касаясь ногами воды, вытягиваю за верёвку один покосившийся буёк, запрягающий девчонкам расплываться. - Серьёзно, какие ещё кони?

Следом тяну второй, третий, четвертый, ставлю все стопочкой рядом с собой. Осматриваю воду на предмет посторонних вещичек. Ничего не нахожу зевнув и чуть потянувшись... Мышцы тянет уже какой день, это просто маленький Адушка... Встаю на ноги и, пока Юлёк дуется, пытаюсь пыхтя

мне что-то объяснить, оборачиваюсь к выходу...

Неловко оступаюсь, упираясь взглядом в мужской силуэт, давящий на меня вполне не забытым нижайшим тембром и улыбкой довольного хищника:

— Это, похоже, вы обо мне.

Торможу у самой кромки, с трудом поймав равновесие и только удержавшись, вытягиваясь по струнке.

— Ого... - хватает выдоха только на это.

Отключаю вызов на Юлином “вы знакомы!? И ты молчала!”. Пытаюсь взять себя в ручки и сцепляю те самые на груди, ибо взгляд напротив начинает осматривать тело моё с ног до головы, если уже не делал этого ранее, пока я беззаботно болтала тут... о конях.

— Какими судьбами?

Обладатель всея богического телосложения и обворожительной улыбки, от которой подогнулись бы ножки (да мешают прошлые обстоятельства), а по совместительству - брюнет с вечно похабнейшей ухмылкой, красивыми скулами и карими глазами решает представиться:

— Я, кстати, Таймурад. Можно просто Тэми.

— Эм... - веду плечами, впервые за свою сознательную жизнь почувствовав себя неудобно в слитном, мать его, купальнике, - так какими судьбами?

— Какая же ты холодная...

— Ага, - ёжусь, почувствовав кинутые в меня тёплые ветерочки, - с субботы не отогрелась.

— Отогреть?

Отвожу взгляд только для того, чтобы вернуть его обратно и посмотреть ошалело. Будто сказанное им превратится во что-то другое. Фокус не проходит.

— Ты там отморозил себе в мозгах что-то, да?

Он опирается об косяк двери, чуть наклоняет голову и всё продолжает снисходительно улыбаться, шепнув мне:

— Пообедаем?

Приподнимаю бровь.

— А надо?

— А нет?

— А нет! - Смотрю на часы над его головой... - И у меня индивидуалка сейчас, так что всех посторонних прошу покинуть... - выдыхаю, - мою территорию.

— Я тебя подожду. - И этот его национальный шарм чуть выбивает из штатного состояния.

— Обойдусь. - Вспоминаю про швабру, журнал и всё то, что должна бы сделать. - Ты... меня как вообще нашёл? Зачем?

Провожает взглядом, то и дело соскальзывая с лица туда, куда не следовало бы.

— Поблагодарить хотел.

— Поблагодарил? Ну тогда, пожалуйста. Простила, приняла, обняла, посочувствовала, всё? - Пытаюсь вспомнить имя. - Теперь можешь идти со спокойной душой!

Парень хмыкает, продолжая стоять и лицезреть каждое

моё движение. Те, как назло, выходят неловкими и сумбурными. Вытираю пол, снова осматриваюсь, убираю швабру под скамью, на цыпочках подхожу к своему столику, наклоняюсь, беру ручку из подставочки, вытираю ладонь об тряпку, нахожу в журнале нужную страничку. Прописываю план прошедшего занятия, делаю сносочки и заполняю ещё пару абзацев, заканчивая как раз тогда, когда в раздевалке хлопает дверь и одновременно влетает звонкий мальчишеский голосок, спорящий с голосом его отца.

Незванный гость оглядывается, но не думает отходить с прохода. Приходится его даже потеснить, чуть коснувшись пальцами чёрной до безумия мягкой рубашки.

— Здравствуйте, Владислава Александровна! - Здравается мальчуган. - А папа говорит, что вы не замужем, потому что вся в работе...

Я приподнимаю бровь и перевожу взгляд на отца Рината. Мужчина, чуть старше меня, прячет улыбку и извиняется:

— Он сам спросил, честное слово! Простите, пожалуйста.

Ринатушка вклинивается со своим:

— Вы папе просто нравитесь. Но он стесняется!

Делаю вид, что не слышала сейчас ни-че-го. И не видела тоже, ибо подзатыльник мальчик получает нормальный такой. Сергей Иванович опять оправдывается:

— Не слушайте его, пожалуйста. Он сегодня просто с утра наказан - без планшета - и теперь на нервах отрывается!

Дежурно улыбаюсь, кивнув. Мужчина же смотрит куда-то

за мою спину, вдруг перестав горбиться и даже подбочинившись.

— Вы ещё не закончили? Нам в коридоре подождать?

А... это типа про волкодава этого? Он похож на того, с кем я стала бы заниматься? Едва ли. Мальчишка скидывает кофту и достаёт из его шкафчика белый пакет с логотипом этого комплекса.

— Нет, что вы... - улыбаюсь снова, - всё хорошо. Ринат, готовься и проходи, хорошо?

Мальчик кивает, снова начиная спорить с папой. Я оборачиваюсь к до сих пор не исчезнувшему несостоявшемуся утопленнику, тот продолжает стоять, ожидая какое-то чудо. Решаю напомнить:

— До свидания, молодой человек.

— Тай-му-рад, - улыбнулся, снова озарив губы усмешкой. Киваю, точно так же огибая его.

— До свидания, - чуть замираю, пробуя имя на вкус, - Тай-мурад.

Напоминает что-то растекающееся, как тёмный шоколад... красиво и, кажется, вкусно. Но думать об этом не стоит, конечно же.

— Я тебя жду, помнишь?

Думает сказать что-то ещё, но успеваю отвернуться и выйти к кромке воды. Выдыхаю три раза, снова разволновавшись. Это что за нервишки? Из-за папы Рината? Да? Глупости какие, будто раньше с такой ерундой никогда не сталки-

валась.

И... парень этот. Ну что ему надо-то вообще? Жизнь вроде удачно спасла, исчезла, особо не покалечила, растворилась и забыла же почти. Чего ещё? Впрочем, не так уж и важно.

Ринат Сергеевич подлетает ко мне, а его папа уходит вместе с этим гостем. Я закрываю дверь покрепче, начиная надиктовывать разминку и упражнения на растяжку, которые мальчик терпеть не может, возомнив себя супергероем.

— Эй, человек-амфибия...

— Аквамен!

Улыбнулась...

— Судорогу хочешь словить?

Угроза всегда срабатывает, ибо мальчик в самом начале наших занятий как-то успел прочувствовать всю прелесть скованной конечности на плаву. Благо, что я была рядом и не дала ему перепугаться и нахлебаться водички.

Такое иногда случается... Много чего происходит, поэтому так важно каждую секунду всё контролировать, но всё же эти напоминания самой себе здесь и сейчас не имеет смысла.

К тому моменту, как парня забирает отец, я успеваю наболтаться с ним о всяких мелочах, понятных только мне и почти состоявшемуся максималисту, наблагодариться по поводу его помощи - тот сам вызвался стереть брызги, пока справлялась с журналом и обходила по периметру бассейн, и даже обсудить с ними двумя продление абонеента. Согла-

шаются... это хорошо, я к ним уже привыкла.

Снова осматриваюсь, выключаю свет и потираю плечи, вспоминая, куда в своём шкафчике закинула ключи от зала. Здесь занятия с другим тренером будут только после хорошей такой чистки, а я на сегодня могу уйти, спокойно отработав утреннюю смену.

Как обычно, беру полотенце с нижним бельём, ныряя в сторону пока открытой душевой. От греха, закрываюсь на щеколду - вдруг уборщица придет раньше. Не хочется светить своей обнаженочкой перед её недовольным носом.

Ну, не любит меня эта устающая от нас всех тётя, что тут поделать?

Первым делом включаю воду и пока ожидаю, когда та прогреется, стягиваю с волос шапочку, распуская култышку. Может, и зря... Немного приподнимаю волосы, тут же их отпуская и давая наконец разлететься. Оставляю на полу купальник, выуживая из навесного шкафчика шампунь и мыло с черничкой.

Всё равно вода холодная. Откидываю голову, позволяя каплям стекать по лицу, растекаясь дальше по всему телу. Чуть морщусь, вспомнив о пережитом в ту субботу. Это каждый раз так сейчас будет? Или просто ещё свежи воспоминания о почти состоявшейся смерти двоих экстремалов?

Ненароком, пока растираю по волосам пену, смотрю в зеркало... Синяки, пожелтев, через пару дней окончательно исчезнут. Только парочка особо крупных ещё отчетливо вид-

на, но под слитным их особо-то и не видно. Зато руки исцарапаны так, что можно было бы подумать о не самых хороших склонностях к кое-чему. И кожа стала... слишком чуткая, болезненная.

Ну да ладно... Три дня же отработала, и ни-че-го. Ни один посетитель не удивился, даже девчонки лишь восторгались новыми очками, которые на той неделе я как раз получила, игнорируя мой потрепанный вид. Так что могла не волноваться...

Смываю пену, даю себе пять минут, чуть мурлыкая от блаженства стекающего по телу потока. Устала сегодня... Очень. Нужно будет высушить волосы и сорваться наконец домой.

Интересно, этот... Таймурад... ушёл? Явно же ушёл. Зачем ему целый час стоять? Станный он всё-таки. И я не понимаю, как всё могло случиться... вся деревня вместе с бабушкой в воскресенье судачили о том, как эпично за ночь переломались железные прутья на том самом мосту и кто из дорожников их будет ремонтировать. А я кивала и пожимала плечами, старательно игнорируя вздохи моей умнейшей бабули.

Выключаю воду, надеваю топ и танго. Обтираю волосы, но, сама не зная зачем, обматываюсь полотенцем, будто ещё боясь или веря, что этот брюнет может ждать такую, как я. И он не в моём вкусе же, ибо такие... громилы мне никогда не нравились, тогда почему я сейчас...

Смотрю в зеркало...

Цвет волос лишь на тон потерял насыщенность, так что на владычицу морей пока вполне смахиваю. Выдыхаю, сжимая на груди затянутый край полотенца. Дёргаю щеколду и с силой хватаю ручку, оглядываясь и проверяя, всё ли после себя смыла и убрала ли шампунь с мылом. Да, всё вроде хорошо. Делаю шаг, выключая свет и переступая порог...

— Ч-ч-чёрт! - от неожиданности заметно подпрыгиваю, дёрнувшись обратно.

МАМОЧКИ! Скользко!

Bad boy / Ифрит

В его жизни кто-нибудь
хотя бы раз был *против*?
Такое вообще возможно?
Тэми.

Дёрнувшись к двери, успеваю схватить её за исцарапанную руку, удерживая от падения. Эта девочка умудрилась перепугаться, округляя серые глазищи и приоткрывая ничуть не изменившиеся губы.

Интересно, они какие на вкус? Сладкие? Насколько? Приторные, как кремообразный букман из жареной муки и сгущенки, или такие... слегка отдающие сладость, словно каймак с творогом и мёдом?

Мать в моём детстве называла свою стрепню "Ярату" [Любить]*, терпеть её не мог.

Лада же даже дышать перестала. И имя ей подходит. Я его даже пока запомнил, хотя явно ненадолго.

Что ещё? Могу сейчас сыграть по своим правилам - помочь почти развязавшемуся полотенцу упасть на плитку, коснуться её талии, окончательно к себе притягивая и закрывая за нами дверь на той стороне. Захочет? Ха, куда денется.

Для начала - в наглую - жадно и порывами поцеловать этот ротик нежный, вдыхая её запах. Какой он, а? Что ей нравится? Облизнуть капельки на тонкой шее, скользнуть к выпи-

рающим ключицам, которые раньше вроде не возбуждали...

Грудь эта... она снимает штанги во время работы? Не смог разглядеть... а сейчас? На ней? Что будет, если сменить их на кольца, зацепить цепочку и потянуть её к себе? Застонет? Как? Прикусывая губы или едва не крича? А потом кусать, ощущать на пальцах флер её кожи, прильнуть и не отпустить... не отпустить. Кого? Её!?

Мой вдох и тяжелый выдох. Она не в моём вкусе. Ни-че-го не изменилось. Это просто доска. Абсолютно плоская доска! Точка.

Сглатывает, приходит в себя и убирает мою руку с её запястья, вставая обратно на ноги.

— Спасибо...

Шайтан, голос сейчас какой!

Кивнул, сам не зная, почему не могу перестать пялиться на края серого махрового полотенца. Под ним же нет ничего вообще. И я не в плане одежды сейчас. Моя реакция была бы элементарной, если бы заметил впадинку того, что хорошо лежит в ладони, но в этой области за эти дни волшебство не произошло. И волосы эти сырые. Ей реально нравится выглядеть воот тааак? Как с такой в люди выходить? Да о чём я... Говорил же про ресторан? Забыла обо мне эта русалочка, да?

Обходит, направившись к одному из двух высоких шкафов и только после оказав мне честь:

— Выйди сейчас же!

— С чего бы? - Бросаю ухмылку в спину, на что та распрямляет и без того прямые плечи и гордо задирает голову к потолку.

— Как минимум, я одеться хочу. Без лишних глаз!

Ухмыльнулся, сам удивившись выбившемуся из лёгких мурчащему тембру:

— Знаешь, Лада, в субботу тебя ничего не смущало...

Снова замирает, остановив ладошку на дверце с её вещами. Имя её так пробрало? Или что? Выдыхает, помотав головой.

— Тогда речь была о жизни... И что тебе надо?

Конкретно мне? Или странно на неё реагирующей отдельной части?

— Я говорил.

Вытаскивает какую-то голубую тряпку, расправляет ту, осматривая. Платье... абсолютно бесформенное, хотя что тут подчёркивать - без понятия. Оно ещё и с кармашками...

И совершенно беспринципно развязывает полотенце. То оплетает её так медленно, что я успеваю прочувствовать пару своих выбившихся сердечных ударов и вполне ощутимую тяжесть в джинсах.

Лада же даже плечом не ведет, и, не давая налюбоваться очертанием своих бедер в этих белых трусиках, быстро сворачивает полотенчишко, натягивает на себя голубую ерунду, тут же поправив вырезы на плечах. А следом холодно встречает моё улыбнувшееся отражение в маленьком зеркале и

хлопает дверцей, оборачиваясь на
раз-два-три.

Платье повторяет трюк Мэрилин Монро, и даже на секунду меняю своё мнение на счёт “бесформенной тряпки”.

— Уважаемый Таймурад...

Скалю идеально отполированные зубки в улыбке - девочкам такое нравится - дополнив:

— Кари-мо-вич.

Кивает, не изменившись в лице.

— Таймурад Каримович...

Хмыкаю, кивнув. Продолжает:

— Я вообще не понимаю, чего тебе надо тут и как ты меня нашёл. Скажешь уже?

— Давай все вопросы за ужином, да?

Эта девушка морщит носик, вздохнув. Смотрит на моё лицо и сжимает губы так недовольно, что будь я наивнее и не имей свой опыт, обязательно бы залип.

— Ладно. Здесь столовая ещё открыта. И я не ела с утра, так что... - неопределённо отмахивается ладошкой, - сойдёт!

“Столовая”? “Здесь”? Я для неё “сойду”, серьёзно? Хотя мне же проще.

Всё-таки интересно, почему на эту доску так реагирую. Если есть стокгольмский синдром, то здесь что-то подобное? Нормально вообще какой день желать затащить куда-нибудь свою спасительницу? “Спасатели Малибу”* на этом и основаны, конечно. Но там-то хоть формы... А здесь что?

Или это после стресса? Меняются же у людей вкусы после подобных событий. Кто-то верит в призраков, кто-то в демонов, кто-то в “богов” разных, а я вот её всё вспоминал. Отлично?

Пытаюсь найти ответ на этот вопрос, пока иду по коридорам за ней, держась чуть позади и рассматривая симпатичные лодыжки, острейшие икры и изредка очерченные ягодички. Последние - ничего. Она открывает дверь с надписью “Буфет”, заходит первая, не заботясь, пойду ли я за ней. И это место напоминает что-то такое... государственно-бюджетное, от чего меня обычно отшатывает на пару километров. Нет, лучше бы ресторан... или хотя бы фешенебельная кафешка.

Лада подходит к прилавку, за которым стоит женщина, жуясь и даже пузыри надувая. Один из таких лопаёт как раз тогда, когда моя сегодняшняя недотрога решает сделать заказ, посмотревшись на порции салатиков.

— Мне, пожалуйста, салат с капустой. Компот и пюрешку с рыбой.

— Хлеб не надо, Владуль?

Та улыбается ей открыто, в отличие от всего, что было ранее направлено на меня.

— Нет, спасибо.

Мадам кивает и просчитывает названное. Девчонка достаёт из кармана карточку и почти успевает сказать про оплату. Обрываю, чуть её оттеснив:

— Чай чёрный без сахара и... - скептически осматриваю всё, что лежит здесь и ждёт своего часа на выброс, - и всё.

Достаю наличку, самой меньшей оказывается тысячная. Лада смотрит на неё так, будто там не лежат деньги, а разлегся маленький и очень злочий ифрит***. Зато буфетчицу всё устраивает. И на эту девчонку с сырыми волосами то и дело посматривает парочка посетителей, так что я беру её поднос со своей пародией чая и ухожу в самый дальний угол.

Теперь уже она идёт за мной. Один - один.

— А кто давал тебе право платить за меня?

Хмыкнул. Два - один. Не люблю иметь дело с гордыми русскими девушками. Вообще... не моё. Слишком дерзкие, строптивые, не воспитанные должным образом. Так и хочется выдать им флаг радикальных феминисток и отправить маршировать восьмого марта. Единственный их плюс - доступность и массовость.

— Я сам себе это право дал. - Ставлю поднос на её сторону. Убираю пластмассовый стаканчик ближе к себе, чуть пригубив кипяток. Гадость редкостная... кто это вообще пьёт?

Девочка как раз садится напротив и начинает ковыряться в салате, стараясь не отрываться от разглядывания моего лица.

— Ты начнёшь говорить уже или думаешь просидеть со мной весь ужин?

— Ты всегда такая...

Хмыкнула.

— Какая?

— Да так.

— Ммм, начинай уже, хорошо? - Мерзко направила в меня вилку. - Или забыл?

Потираю переносицу, выдохнув.

— Так я... хотел поблагодарить...

— Уже поблагодарил.

Шикаю...

— В твоей семье принято перебивать? Тебя этому родители учили?

Лада чуть удивляется, проморгавшись.

— Слушай, я ж не звала - ты сам пришёл.

— И я уже жалею об этом!

Та начинает смеяться, будто специально подавившись салатом. Жду, сцепив руки на груди, когда эта дешевая сцена закончится, но та давится ещё раз, только отдышавшись. Это смешно? Что заставило её так сме-ять-ся?

— Ты такой смешной! Так встань и уйди, Таймурад! Это так сложно? Ты такой глупенький!?! - Наконец снисходит до ответа.

— Серьёзно!?! Ты мне будешь... указывать!?

Девушка отдаляется, отодвинувшись к спинке стула. Чуть наклоняет голову и выговаривает мне, будто являюсь крошечным объектом её исследований:

— Не нервничай, горячий холёный парень.

Приходится прочистить горло и выдохнуть. Та продолжает:

— Ладно, раз конструктива я не дождалась, давай так... - загибает пальчик, - как ты меня нашёл?

— Ты оставляла контакты Белугину.

— Кому? - Морщит носик... - Тому МЧС-нику? Да... а... окей. И... И что? Он типа дал?

Хмыкаю на этот раз сам. Дополняет, догадавшись:

— Деньги?

Скорее "связи", ибо его ещё пришлось, после подставы с номером, поискать. Киваю, смотря, как глаза её серые округляются:

— И зачем? Спасибо сказать? Как-то без этого нельзя было? Послал бы свой благодарственный посыл во вселенную или поставил бы за меня свечку... А, погоди, - реально затормаживает с этим, - у вас так не делают, наверное?

Эндэш, Таймурад... Снова выдыхаю и сжимаю кулаки крепче. Та замечает движение, следом отведя взгляд в сторону, будто созерцание облупившейся краски на стенах есть нечто прекрасное, подобное изучению звёзд и мироустройства. Жду, когда вернётся к поеданию этой... мерзости.

— Хотел поблагодарить, - начинаю с того, на чём был прерван, - и сказать, что раз ты спасла мне жизнь, я буду... рад помочь, если тебе в чем-то потребуется моя помощь.

Давится компотом, но всё же проглатывает.

— Ой, я завела себе личного Джина? Там потереть нигде

не надо же? А то вдруг мелкий шрифт...

Если бы можно было дышать огнём, спалил бы её.

— Я тебе... сейчас... потру...

* Не умеет Таймурад "ярату".

** “Спасатели Малибу” - американский телесериал о спасателях, которые патрулируют пляжи округа Лос-Анджелес в Калифорнии. В Книге рекордов Гиннеса упоминаются как самое просматриваемое телевизионное шоу за всё время, с более чем 1,1 млрд зрителей.

*** Ифрит - мифическое существо, могущественный демон в арабской и мусульманской мифологии, разновидность джинна. Могут менять свой рост и внешность, буквально вырастать до небес и превращаться чуть ли не в гномов, обладают огромной силой и очень умны. Мир ифритов похож по структуре на человеческий — в их царстве правят короли, у них есть семьи и дети, а общество делится на враждующие кланы. У них есть огненные крылья, и они могут перемещаться со скоростью мысли. Защититься от ифритов можно только при помощи молитвы или магических ритуалов. При помощи магии их можно даже себе подчинить, и пока магия действует, никакой ифрит не осмелится послушаться человека.

Девочка из комиксов. 9

Не каждой *возможностью* стоит пользоваться.

Иногда они могут лишь погубить, а не подарить шанс на то, о чём мечтала изначально.

Влада.

Опять смеюсь...

— Так, ладно, - говорю намного спокойнее, выпрямившись и улыбнувшись, - благодетельный и благородный заноза очей моих! Узрите, пожалуйста...

Хмурится ещё больше, так что решаю быстренько договорить:

— Что предложением я твоим не воспользуюсь!

Он реально не понимает:

— Почему?

Ну вот как это объяснить? Что непонятного-то!?

— Потому что из-за этой лампы Алладину пришлось спасти Агробу и влюбиться в принцессу Жасмин. А зачем оно мне? Спасибо, - кладу руки на сердце, смотря, как тот не сводит с них до сих пор темнеющих глаз, - но мне не нужны ни Агробы, ни лиры или что у вас там, ни тысяча и одна ночь, хорошо? Меня устраивает своя жизнь, и твоя милость вот, честно, только бесит! Ты понял?

Кажется, не замечает, что я перестала говорить. Да и едва ли слышал... странный он.

— Ау!

Тот медленно поднимает свой взор, по штришку оттачивая каждое слово:

— У Алладина не было выбора. Его выбрала лампа, и если бы не это, он так бы и остался никчёмным мальчишкой.

Нормальный такой ликбез провёл...

— Эм...

Самодовольно скривил губы.

— Таймурад, один чёрт... - замечаю, как морщится, чего сейчас-то? "Черт"? - ого, у нас есть стоп-слово?

Закатывает глаза, пока я улыбаюсь шире, повторяя, как заведённая:

— Ч-ч-ч-черт! До чертиков чертов черт...

Глубоко выдыхает и перестаёт на меня пялиться, тут же зажмурившись.

— Эндэш, Лада... - едва слышным грудным рокотом.

— Это ты мне заткнуться сказал, да? Или проклял?

Медленно открывает глаза и почти решается что-то сказать, но осекается, увидев во мне неведомо интересное. Что? Я всего лишь оперлась на собственный кулак и расплылась, просто умиляясь тому, что выбешиваю совершенно для меня непонятного парня. Он такой вспылчивый, обжечься можно!

Единогласно решаем больше не говорить, так что спокойно доедаю свой завтрак, обед и ужин, обещая самой себе и своему метаболизму, что буду наконец нормально потребб-

лять калории, а не запихивать их в себя одним приёмом пищи. И в общем-то встаю, кивнув Галине Максимовне, улыбающейся напоследок. Убираю за собой, освобождая поднос. Выхожу из буфета и оборачиваюсь лишь тогда, когда поступь его не думает от меня отдаляться. А мы как бы уже прошли отворот к стойке администратора...

— Тебе пора уйти. - Едва удерживаю собственный палец, что уже намерился уткнуться в его широченную грудь.

Тот обдаёт прищуром и колким:

— Не командуй мной.

— Да при чем тут это? - Развожу ладошки в стороны. - Я же сказала, мне ничего не надо. Всё! Что ещё?

— Так нельзя, Лада.

— Да в смысле “Нельзя”-то? - В подтверждение ещё и фыркаю.

— Просто нельзя. - Назидательно-назидательно.

— Слушай... так... ладно, я поняла, всё элементарно! Ты просто тупой!

Откашливается и опять напрягает мышцы, отчего футболка заметно дрогнет.

— И давай я всё же тебя выслушаю, что же там скрыто за этими тайными желаниями...

— "Тайными"? - Изогнул бровь.

— Просто “желаниями”! Что ты имел ввиду? Что я должна вообще захотеть, чтобы ты перестал меня преследовать?

Его глаза вдруг вспыхивают и как-то безбожно начинают

прищуриваться.

— Меня?

Э...

Лицо перекашивает, хотя я успела подготовиться морально, но... всё равно... Атаc! Attention, гора из нано-идиотов! Решаю просто развернуться и ускориться, чуть ли не на рысь переходя. Добегаю до своей раздевалочки и хлопаю дверь, тут же удерживая в руках ручку. Он не пытается открыть, это хорошо, ибо едва ли бы я её удержала! Но ни оправданий, ни продолжения этого лепета я не хочу слышать.

Это... просто... он с чего подумал, что я его... “захочу”? Его? Вот его?! Точно его? Ронни Радке бы выдал “WOW! Motherfucker”. Откуда такие амбиции в мою-то сторону!?

И только тут замечаю, как замерла уборщица, злостно на меня уставившись:

— Что вы все хлопаете и хлопаете! - Цедит по крупинкам женщина на мой немой вопрос.

Я пожимаю плечами и отрываюсь от ручки, пробираясь через ведро к своему шкафчику. Достая оттуда колготки и кофточку. Натягиваю всё на себя, извиваясь от будто специально ползающих у моих ног ворсинок швабры. Убираю до сих пор не высушенные феном волосы в култышку, понимая, что мешаюсь... но можно же как-то нежнее, не пытаюсь меня с ног снести?

— Всё ходите и ходите тут! Смена закончилась? Закончилась, а вы всё ходите и ходите...

— Сейчас уйду.

— Постарайтесь уж, а то работать не даёте!

Я всё даю. Ну, наверное...

Забираю рюкзак, откапываю оттуда беспроводные наушники и включаю ясно кого. Мужчина, обладающий шармом ганста-рокера-рэпера и бывшего эмо-боя, начинает начитывать новый трек, только вышедший вот совсем на днях, текст которого я ещё не успела выучить.

Иначе почему я срываюсь с мотива, стоит мне только выйти и увидеть этого индивида, покорно склонившего голову у окна? Этот треклятый напоминает сейчас Хатико, которого оставили ждать, а года идут и идут...

Делаю шаг...

Ещё один...

Он замечает меня у своих ног... поднимает взор, и по губам его скользит ухмылка. Горькая, меня даже отшатывает.

— Сколько тебе годиков, Таймурад?

Парень шумно вдыхает, но всё же решает ответить:

— Скоро двадцать семь, Лада.

— О, так я тебя старше?

— Да, ты меня... - задерживает дыхание на миг, - старше.

Откуда знает? Ясно, что, помимо адреса моей работы, была слита и дата рождения. Даже жаль, что тот парень не позвонил, сейчас я бы воспользовалась номерочком и выговорила всё, что думаю о таких "работниках"...

— Тогда будь добр, соблюдай субординацию! И услышь

наконец...

Не замечаю, когда он что-то улавливает, но отчетливо чувствую, как делает шаг ко мне, меняя значение и вдруг касаясь указательным **МОИХ** губ, проводит полосу, чуть надавливая и получая в ответ то, что и хотел, через миг прильнув к ним своими. И я теряю выдох от последствий взрыва в области лёгких... успеваю только хлопать ресницами, чувствуя, как он ухмыляется и хватает ладонью затылок, окончательно игнорируя мои безумные мысли выбраться.

Его губы царапают, он меня раздражает... его хочется оттолкнуть, очень, но сердце так бьётся, будто на него тоже что-то обрушилось.

Нет... нет... нет уж, нет.

Вцепляю пальцы в его футболку и сдавливаю, начиная щипать бок. Он терпит пару мгновений и выдыхает, наконец отдаляясь и возвращаясь на прежнюю позицию.

Касаюсь губ и, только снова начав дышать, заново ладошку...

Но лишь в последний момент сжимаю кулак, уводя тот за голову. Мамочки! Да здесь камеры! Да здесь чужие дети и родители! Да здесь... Да больно надо! Просто отворачиваюсь, делаю пару шагов и нахожу силы проговорить:

— Больше здесь не появляйся, чертов джин!

Я знаю, что он ухмыляется. Понимаю, что сейчас ему проиграла. И в курсе, что мне это не нужно! Надеюсь, этот тугоголовый услышал.

Девочка из комиксов. 10

Что должно случиться, чтобы *мечтас*былась?

Терпение? Желание? Стремление?

Иногда достаточно случайности?

Но она в такое не верит.

Влада.

Он догоняет как раз у поворота к Юле, я понимаю это по подстраивающимся под мой ход шагам. Эта ходячая стена раздражает, он не в моём вкусе, этот парень вообще мне никто! Зачем увязался? Нашёл лёгкую добычу? Мальчику стало скучно? Очень смешно!

— Юль, - кричу, как только вижу свою очаровательную пухляшу с обворожительной улыбкой, которая как раз и расцветает на её личике, когда девушка видит того, кто продолжает плыть за моей спиной.

— Ой! Вла-а-адусечка моя! - Лебезит подруга, и мне так хочется гаркнуть, но я лишь выдыхаю и разжимаю сжатые до того кисти.

Надо быть спокойнее! Я, в конце концов, тренер со стальными нервами, которые сейчас вообще ни к чёрту... “чёрт”, оборачиваюсь, зыркнув... чё-е-е-ерт! Бабушка бы по губам надавала!

Тут же падаю лбом на стойку ресепшена, обхватывая голову руками. Скрещиваю пальцы на затылке и ровно в тот миг,

когда решаю выдохнуть, по моей спине умудряется проползти чья-то пятерня, обдающая теплом и паникой. И эта лыжа явно больше Юлиной... Такая и спину может сломать, наверное. О, я не завидую его девушкам! Это такую прыть обуздать, такое на себе удержать, такое вообще сдержать... Жуть!

— Ещё раз руки распустишь...

Поворачиваю голову, не отрываясь... и выдыхаю, разглядев на этой же стойке удачно разложившегося Таймурада. Тот склонился, только подперев голову свою бестолковую рукой. Этому парню вообще такое normally? Мне такое можно... ему такое никак “низзя”!

И ухмылка с губ всё никак не уйдёт, развивая во мне Паршивое чувство, что этот волкодав успел почувствовать вкус моей крови, выходящей в венах, и решил ощутить это вживую, думая преследовать. Ага, размышлялся.

Юлёчек-кулёчек продолжает радовать нас своей красотой и молчать... А “молчать” и “Юля” - это молекулы из разных океанов.

— Юль, почему у нас посторонние здесь?

Я задеваю болезненное - Юлькину несуществующую некомпетентность. Та ловит мой уставший взгляд и слегка открывает рот, дабы набрать побольше воздуха в лёгкие...

— В смысле “посторонние”? Таймурад Каримович вообще-то записан к тебе.

— В смысле “записан”?

— Ну, - начинает девушка, пока “Таймурад Каримович”

добавляет к ухмылке самодовольную улыбку, проскользнувшую искорками в карих глазах, - как это “в смысле”? Вы же обговорили всё и назначили это время на индивидуальные, верно?

— Абсолютно верно, Юлия, - отвечает своим нижайшим тоном, тут же направив улыбочку в сторону администратора.

Я приподнимаю руку... опускаю... Снова приподнимаю кисть и опять опускаю. Решаю откашляться и встать наконец ровно, только после начав разнос:

— Как это “договорились”!? С кем? Со мной? - Кладу ладонь на грудь. - Я занимаюсь с детьми, Юля! Ты забыла? Или ему нет восемнадцати, да?

Перевожу взгляд на парня.

— Ты несовершеннолетний?

“Несовершеннолетний” откашливается, морщится и чуть прищуривает очи свои.

— Или, может, у тебя есть сын, брат, зять, сват не старше восемнадцати, а? И когда я с тобой успела договориться!? О чём, Таймурад?

Всё же имя красивое... но я всё равно не понимаю! Зато понимает Юля:

— Таймурад Каримович купил годовой абонемент.

Моё лицо воистину перекашивает.

— Ч.. что сделал Таймурад Каримович?

Отвечает сам:

— Взял годовой абонемент. Какие-то проблемы?

Игнорирую... Левый успевает моргнуть раньше правого глаза.

— Так верни ему деньги, Юль?!

— Ну как это! - Сокрушается девушка, получив свой процент с продаж и мысленно его уже растратив. - Ага, счас, Влада! У вас ни одного занятия не было, и я должна отдуваться? Ты вообще уже?

Таймурад в превосходстве чуть приподнимает бровь. Но я не сдаюсь:

— Тогда переводи его к кому-нибудь другому, ясно?

Юля смотрит на мужчину, что оказался младше нас двоих, переводит взгляд в мою сторону, снова смотрит на этого, снова на меня и опять на него, наконец выдохнув и открывая рот:

— Таймурад Каримович, - натягивает виноватую улыбку, прошибающую бетонные стены.

Мне даже становится жаль эту женскую версию кота из “Шрэка”, но...

— Юлия, - опять красиво коверкает имя, - у вас максимальный на сколько? На три года? Я не буду его возвращать, честное слово. Но давайте пока попробуем на год, да, моя дорогая?

На последнем подаётся к девушке, чуть ли не коснувшись ладонью её щеки. Смотрит в глаза, истинно гипнотизируя... а я топаю ногой и шиплю, пока есть чем:

— Таймурад Каримович, вы там в своём уме?

“Таймурад Каримович” бросается в мою сторону, аки опасная кобра, шепнув на расстоянии миллиметров:

— В своем, Лада.

Отстраняюсь.

— Не похоже... вообще!

И пока этот абсурд не дошёл до предела, уточняю:

— У меня нет лицензии тренировать и учить чему-либо взрослых диковатых мужиков...

Юля сдаёт тихо-тихо:

— Лапшу заливает.

Продолжаю, зыркнув на миг.

— У меня нет времени на новых учеников!

— Вообще брешит, было свободно, - опять вклинивается подруга.

Дую щёки секунду.

— У меня нет и не будет желания заниматься с тобой...

Поднимаю взгляд к его лицу, что по-прежнему выражает “да-да, да-да, я поверил, ага, да-да, конечно, угу, продолжай, да, погоди, зевну, ага”.

— И здесь полно прекрасных тренеров с более высокой квалификацией и большим опытом, нежели у меня!

Патриархально обомлевшая подруга на этот раз лишь открывает рот, а Таймурад смотрит на девушку краткий миг, будто ожидая её опровергающие речи, но тут же возвращаясь ко мне:

— Лада, здесь не ты решаешь, уясни это.

Итак, новый ликбез, а мы и не ждали! А тема его: как вывести девушку за ноль целых одну тысячную секунды? Да-да, именно вооот так! Превосходно! Сто процентный результат и пожизненная гарантия, если эта девушка терпеть не может ущемления любых своих прав или даже малейшего намёка на то!

— Ах даа! Точно! Так ты с этим не по адресу, извини! В своей команде решаю я и ещё...только я, понял?

Да, вру, не жесткач, не заноза и не злыдина, но сейчас очень хочется стать таковой...

Повторяет:

— Ты здесь вообще ни-че-го не решаешь, Лада. - И развернувшись, цедит, чуть махнув нам рукой. - Увидимся завтра!

Я топаю ногой и громко выдыхаю всё скопившееся. Это что за... что за засранец такой, а!? Как такого земля-матушка-то носит и не надрывается? Кого я на мосту... Этот волкодав всем так в шею вгрызается, раскидываясь пачками купюр!?

Почти решаюсь высказать всё Юле, поворачиваясь к ней, но замираю, разглядев на лице девчушки лютый детский восторг.

— Ты нормальная!?

Та перестаёт кусать губу и меняет дичайшее обожание в глазах на надменность и привычную рабочую напыщенность. Я решаю разъяснить, если кто ещё не понял:

— Он грубый! Он мужлан! Он, сто из ста, бабник! А ты слюни пускаешь?! И у тебя парень есть, Юля!

— Так я ж не себе, - отворачивается, тут же выпорхнув на лабутенах к автоматiku с кофеёчком.

— И типа ты мне такое желаешь? Ты с ума сошла?

Юля заказывает два горячих шоколада, дожидается каждый и тихонько топаёт ко мне, заодно кивая убегающим в сторону гардероба клиентам.

— Да, до свидания, - тут же смотрит в мои глаза, - приходите ещё, мы Вас всегда ждём! - Прищуривается и наконец говорит, - это ты вообще не понимаешь, какой он. Грубый?

Ставит шоколад на стойку, подвигая один стаканчик ко мне и загибая палец ладошкой:

— Так “Грубый”!? В каком месте, Владислава!? Он заплатил за год вперёд и искренне благодарил!

— Меркантильная...

— Да, я меркантильная! Ты знаешь, где я выросла! Так что не надо мне тут!!! Но если он на три года купит наш абонемент, у меня мечта сбудется! Я в отпуск уйду, Владусь! Так что... - второй палец, - “Мужлан”? Мужчина должен быть сильнее девушки, иначе какой смысл тащить всю эту тяжеленную телегу на себе!? Ради чего вообще!? Скажешь мне?

— Глупая!

Девушка хмыкает, добавляя “Кто бы говорил”, но тут же переключается на продолжение сего опуса, загибая еще один пальчик:

— “Бабник”!? У него на лице написано? - Игнорирует мои истеричные кивки. - Да даже если так, ты хоть знаешь, какие из кобелей клёвые мужья, отцы и любовники!?

Начинаю хохотать...

— А тебе-то откуда знать, Юль?

Девушка открывает рот, но через миг начинает смеяться, зажмурившись и стирая слезинки с уголков глаз.

— Влад, ну серьёзно! Я же тебя не замуж за него выдаю! - Продолжает, пока отпиваю горячий напиток - Просто поучи его плавать... он, говорит, воды боится, прикинь! - И для неё это точно плюс. - Мужик пришёл тебе довериться, а ты его даже поцеловать не смогла...

— Стоп! Ты подсматривала!?

Юля гордо выпячивает бюст с, как всегда, расстегнутой верхней пуговицей и выдаёт тоном замшелого работника ЖЭКа:

— Девушка, я не подсматривала, а контролировала! Разницу чувствуешь, а?

— Ммм, - цежу, отпивая ещё один глоток и опираясь локтями об стойку.

Приподнимаю бровь и чуть поворачиваю голову, спрашивая:

— И как тебе?

— Ты - как всегда, он - красавчик. Вообще не меняешься, что раньше с Ярым до всей той ерунды была на голову отможенная, что сейчас...

— Ммм, - салютую одноразовым стаканчиком, - спасибо за честность, подруга!

— Да кто, как не я-то, Владусь!?

— Да никто-никто, - выдавливаю саркастическую улыбку, проглатывая уже давно привычный застрявший ком в горле.

Шоколад перестаёт сладить, воздух начинает колоть, раздавливая в моих лёгких до сих пор не вышедший осадок. Я не хочу вспоминать, мне оно не надо. Не надо же, да?

— Одно занятие, Юль. И он сам сбежит, ясно?

— Спорим, что останется у тебя!?! - Загорается девушка, протягивая кисть с длиннющим маникюром на тонких пальчиках.

— Да без проблем!

И только сейчас я вспоминаю про замершего Радке, выдохнувшего мне в уши своей переосмысленной композицией:

“When did I become so cold?”*

[Когда я стал таким холодным?]

Если это обо мне, то ясно когда.

* Falling in reverse - I'm not a vampire (Revamped). Своеобразная история Дракулы. По мнению Владиславы и автора-меломана - в ней интересно всё: мелодия, голос, перетекающий из низов к верхам, клип, сюжет, смысл, вложенный в переосмысленную спустя много лет композицию. Но на слух, если не слушали и не воспринимаете скрим, с которым ав-

тор успела за много юношеских лет породниться, вам может быть, как и ранее, тяжело, ибо есть “моменты” расщепления связок, что элементарно для Радке. Так что... осторожнее.

Девочка из комиксов. 11

Именно *случайности* формируют то, что мы имеем в итоге.

Влада.

Апогеем всего этого стала тачка, перекрывшая мою Ладушку. Ну нормально вообще? Что за розовая немка с колечками борзо так подперла мой и без того повывавший бампер!? Да я столько бордюрчиков им задела - не пересчитать... А сейчас как выбирать? Там же сзади бордюршище - я на своих 14-ых колёсах не перепрыгну! И не вывернуть никак...

Долетаю до этой наглости, обхожу задницу Аудюхи, запоминая дорожные номера, скольжу взглядом по витиеватым рисункам, которыми обклеена машина, и стучу в стекло водительской двери, тут же выдохнув и только после просмотра...

То начинает опускаться, а я начинаю раздражаться сильнее, разглядев того, кто там удачно устроился.

— Ты... - Поднимаю ладошки и тут же опускаю. - Ты вообще!?

Этот Таймурад Каримович слегка смеётся и кивает в сторону моей заблокированной машины.

— Ну давай, попробуй выехать, Лада.

Смотрю на него миг, второй, третий... нет, ума у парня

не прибавляется.

— Как?

— Как-нибудь.

— Отъедь... - Указываю на машину и обдаю второсортным сарказмом. - Тебе кстати идёт этот цвет. Фуксия?

Тот смеётся уже более открыто и решает ответить:

— Мне всё к лицу.

— Ммм... отъедь, Таймурад. Что ты устраиваешь?

Оглядываю забитую парковку... Но пустые места точно есть где-то! У нас всегда так!

— Нигде места не нашёл больше? И обязательно надо было мою подпирать? Ты вроде уехать собирался? Прощался? Передумал?

— Передумал. - Спокойно и ёмко.

— Ммм... а ты не боишься, - вспоминаю сцену у Юли, - что я тебя утоплю, если ты ко мне завтра сунешься?

Этот хмыкает и тут же зевает, да так заразительно, что чуть не поддаюсь ему.

— Завтра и узнаем, Лада.

— Угу... давай уже... - снова показываю на машину, - уезжай.

— Я сказать хотел...

— Да ладно!? Ещё что-то оригинальное?

Сковывает губы и напрягает желваки, тут же выдохнув и сжав костяшки на руле.

— Очень оригинальное. - Прищур. - Что делаешь вече-

ром?

Сердце почти сделало “Тудум”.

— Что?

Тот начинает улыбаться, опять возомнив себя абы кем.

— Погоди... ты зачем спрашиваешь?

— Пригласить кое-куда хотел. Ты поужинала, я - нет...

— И? Мне, может, тебя с ложечки из-за этого покормить?

Успевает ответить:

— Можем попробовать. Хочешь?

Страхиваю ладошки, будто по ним что-то проползло.

— Таймурад... - специально добавляю отчество, - Каримович, тебя реально где-то замкнуло?

— Пока да.

— Перезагрузись тогда...

Тот спокойно парирует:

— Перезагрузи.

— А чести немного? Слушай, я... я же не прошу ничего, ну, вышло так в субботу... всё же уже!? Всё. Не порти о себе впечатление.

— Ммм, - показывает идеальные белые ряды, по которым скользнул языком, - так ты уже обо мне думала?

— Издеваешься или это подкат такой!?

Паразит даже в лице не меняется.

— Оба варианта.

— Вышло тупо, извини... Послушай... ты говорил, что я не в твоём вкусе! Что-то изменилось?

Оглядывает салон, будто уже заскучал.

— Так и есть, ты абсолютно не в моём вкусе.

— И ты тоже не в моём.

Ловит мой взгляд и говорит так, будто это я его полдня окучивала:

— Так мы едем, или я наконец уезжаю?

— Уезжай.

— Тебе же завтра будет хуже, Лада.

Поднимаю ладошки и шиплю:

— Мамочки, всё, напугал!

Тот кивает, улыбнувшись. И тут же понтуется, выжимая из машины эти “Врум-врум”. Движок поддаётся ему бодро, но тот не особо доволен. Даже кривится.

— Слушай, а ты без прав был? Ну... документы не утонули?

Снова ловит мой взгляд:

— Утонули.

— И так... быстро всё восстановил? - Обвожу взглядом девчачью машинку, соизмеримую по стоимости с пятью моими квартирками.

Мотает головой...

— Ещё даже не начинал.

— То есть... сейчас без прав?

Молчит, усмехнувшись и продолжая глазеть на лицо, с которым совладать не могу.

— Так... стоп, вообще ненормальный!? Ты просто изба-

лованный мажор, просто идиот редкостный! Тогда меня чуть не снёс... я бы ехала быстрее, ты бы утащил меня вместе с собой... Ты просто придурок, ясно!? Просто...

На моём выдохе обрывает:

— Завтра увидимся, Лада, - будто ничего и не слышал.

Я рычу и топаю ногой, пока эта игрушечка резко трогается с места, через миг встраиваясь в непрекращающийся вечерний поток. Этот мужлан просто... отвратительный! Просто жуткий и... и какой же дурак!

Мы оба чуть не погибли, а ему хоть бы хны! Он вообще о жизни не волнуется? Ладно, жизни... Такие машины не останавливают и не штрафуют? Что за... золотая ложка нигде не жмёт?

Закрываю лицо ладонями, потираю то и провожу пальцами по шапке... Одно что, хотела быстренько и до машины - волосы же так и не высохли.

Ну почему всё так, а? Ну что я плохого-то сделала!?

Спустя полчаса паркуюсь возле своей двухэтажки. Глушу мотор, закрываю машину и тихонько бреду до подъезда, не переставая думать о том, как могла так вляпаться...

Как от него отказаться? Зачем оно мне? Я буду ходить как на иголках, а этот просто развлечётся. Это... мерзко!

Захожу в недавно отремонтированный подъезд и быстренько забегаю к себе на второй. Уже в квартире стягиваю одежду, расплетаю волосы и просто падаю на диванчик возле окна в единственной комнате, подгибая ноги к себе. Смотрю

на руки, провожу подушечками пальцев по царапинам и не понимаю, почему всё так вывернулось. Я же ничего не хочу... зачем ему ко мне прилипнуть? Так глупо.

Цеплюясь взглядом за полку со свисающими на лентах медалями, скольжу выше - к дипломам, которыми всегда гордилась, смотрю на один из первых кубков и всё равно не могу выбросить из головы этого хама.

Хорошо, что он не утонул. Даже если его характер - это просто ужас. Даже если мы друг другу не нравимся... Даже если я видеть его не хочу.

Кстати, об ужасах... Достаяю из кармана платя смартфон, листаю телефонную книжку, опускаясь в самый низ. Нахожу имя брата и пишу ему СМС, не вчитываясь в однотипную редкую переписку:

Я 18:03 "Ты хоть помнишь про бабушкин юбилей?"

Не успеваю заблокировать экран, вчитываясь:

Яшка 18:03 "О, поздравь её за меня!"

Я 18:05 "Какое же ты дерьмо, знаешь об этом?"

Яшка 18:06 "Я вообще в больнице второй месяц. Что ты начинаешь, Влада?"

Я 18:07 "У тебя память отшибло? Плевать я хотела, где ты, понял!? Мог бы её поздравить! Не сдох же."

Яшка 18:09 "Грымза"

Закрываю глаза, откидываясь на спинку. Почему в больнице? Врёт? Он может... За что бабушка его так любит? Вот за что такого любить? Ладно... ладно, сдаюсь.

Я 18:27 “Что случилось? В какой больнице? Почему нам ничего не сказал? Или ты опять гонишь?”

Яшка 18:29 “Не строй из себя хорошую сестрёнку, тебе не идёт, принцесса.”

Фыркаю... Не больно-то и хотелось! Откидываю смартфон к подушке, потирая лицо ладонками.

Он опять напридумывал, наверное. Точно, как всегда.

Bad boy / Ты же смущаешься

“Мы” ещё только должно случиться.

Тэми.

Сегодня каждый решил мне позвонить и вынести мозги с самого утра, стоило мне восстановить сим-карту и запихнуть ту в дешевенький смартфончик. Что может дать аура “избалованного мажора”? Доступность всего, чего захочется. Вот и паспорт не потребовался, хотя всё равно тот надо бы восстановить...

Но чхать я хотел на то, во сколько мне там забирать документы из Росреестра по протекции отца, и на всех этих... “знакомых”.

Эти четыре дня без связи были... особенными. Удивительно, я ещё умею наслаждаться такими вещами. Будто сбежавший из вечного присмотра мальчуган... сколько мне тогда было? Семь или пять?

Паркуюсь возле этого комплекса, наконец решив ответить на десятый вызов в одном из мессенджеров.

— Что?

Владелец одного злачного места не ожидал, что отвечу и не ждал этот тон.

— Тэми! Наконец-то! Ты занят? Срочно поговорить надо.

Он скоро перепишет всё на гуляющую молодую жену, а та едва ли будет ему до гроба верна.

— Занят.

Выхожу из этой колымаги, блокирую её, думая, что завтра надо всё же съездить и посмотреть на состояние своей вытасщенной машины. Её даже обещали высушить, но что там с ней за эти дни произошло... интересно.

— А когда освободишься?

— Ммм, к выходным. Что-то ещё?

— Тэми! Серьёзно! Разговор есть, ты не понимаешь!?

— Слушай, я собираюсь развлечься, так что кит куттэ*.

Почти сбрасываю звонок, проходя мимо припаркованных машин, но тот успевает влезть со своим нытьём:

— Вот значит как ты...

— Обиженку не включай.

— Я тебе говорю, надо встретиться! Ты понимаешь? Ты же в курсе, что у меня происходит...

Тот намекает на свою набирающую ход уголовку, а я тут причём?

— И?

— И либо ты мне поможешь, либо я тебя с собой утяну...

Смеюсь в голос... какой забавный, а... какой самоуверенный тридцатипятилетний дядечка.

— И что же у тебя на меня есть?

— Сейчас скину! Я хотел по-хорошему, Тэми. Ты сам злишь...

О да, сам "по-хорошему" хотел отмазаться за счёт связей моего отца? Неплохо.

— Отправляй уже, неженка.

Сбрасываю вызов, улыбаюсь какой-то разукрашенной тёлке на кружаке, резко затормозившей и специально пропускающей меня. Прежде, чем перейти дорожку к цветному фасаду, замечаю её дочку на заднем сиденье, грустно посматривающую в мою сторону, будто моя фигура - что-то такое сакральное.

Ещё одна обёртка счастливой семьи?

Захожу, здороваюсь с охранником, любезно улыбаюсь женщине, принимающей моё пальто. Добираюсь до администратора... та же девушка. Как её? Смотрю на бейдж, не... не хочу.

— Привет, - улыбаюсь, разглядывая, как эта пигалица на копытах оторвалась от экрана и начала млеть в ответ.

— Ой! Здравствуйте, Таймурад Каримович!

Даже имя моё запомнила... ей за это доплачивают?

— Лада на месте?

Та зачем-то смущается и поправляет причёску, будто это я о ней сейчас спрашиваю.

— Да! Только она не в настроении с утра...

— Что же так?

Пожимает плечами и думает что-то ещё сказать, но я обрываю очередной улыбкой и наконец ухожу. Духи воняют жутко. Тошнотный запах. Приторный... В отличие от её подруги, хотя одного невинного поцелуйчика мне пока мало.

Добираюсь до дверей знакомой раздевалки, встаю у окна

опять, расслышав Ладин голос... красивый, нежный такой... Даже когда злится, это скорее мило, чем пугающе. Вроде всё сейчас, даже смеётся, или из-за меня была “не в настроении”? Я могу, да.

Хотя обычно вызываю другие эмоции.

Дожидаюсь, когда из дверей выползают тот отец с больно разговорчивым сыном, жду ещё минуту и захожу.

— Лада...

Недотрога чуть выглядывает, разглядев меня и тут же проstonав.

— Эээх, надежда, что ты не придёшь, только что умерла!

Смешная... добавляет:

— Ладно, переодевайся и выходи!

— Ты видишь у меня где-то вещи с собой?

Выходит ко мне, замерев в дверном проходе. И пока я рассматриваю эти обтягивающие плавки и майку, наверное, непромокаемую, та спрашивает:

— И что это значит?

Хочется попросить её покрутиться, будто эта русалочка сейчас в каком-то экстравагантном платье. Это для меня? Из-за меня? Её синий в полоску купальник был неплох, но этот вид, вопреки её ожиданиям, нравится мне даже больше... Так интереснее. Никто кроме меня не будет засматриваться...

— Собирайся, у нас с тобой... - поглядываю на наручные часы, - час и десять минут. Ты голодна?

Девушка сжимает кулаки и расправляет плечи...

— Таймурад... Каримович! Переодевайтесь и выходите ко мне.

— Ты слышала? - Киваю в сторону выхода. - Поехали. Это сложно?

Смотрит себе под ноги...

— Я вообще-то на работе.

— После работы... Считаю, закончила пораньше. Я всё равно у тебя последний.

Прозвучало неплохо, но та сердится и чуть стонет.

— Да никуда я с тобой не поеду, ты не понимаешь!?

— Почему?

— Потому что...

Не находит ответ. Помогаю сам:

— Я не в твоём вкусе?

Кивает.

— И что? Так же интереснее пока, нет?

Девушка касается ладонью шапочки и глубоко выдыхает...

— Только честно... я... тебе понравилась?

Глупая.

— Нет. - Улыбнувшись.

— Тогда что ты прикопался?

— Просто ужин, Лада. И всё. А потом уже можешь меня чему-то учить...

Если я ещё приду сюда хотя бы раз.

— Слушай...

Сверлит недовольством. Топают ногой и заставляют себя выдохнуть.

— Хорошо! Один ужин. И больше ты не играешь со мной в эти твои игры, ты понял?

Киваю, усмехнувшись.

— И вообще... абонемент заберешь, по рукам?

— Так сильно смущаешься в моём присутствии? - Не вопрос, констатирую факт вполне заметный.

— Я не стесняюсь!

— Да? Тогда, - киваю в сторону её шкафчика и отступаю на пару шагов назад, опираясь о стену, - переодевайся.

— Выйди...

Мотаю головой.

— Ты же не стесняешься, Лада. Или я тебя всё же беспокою?

Шепчет на выдохе:

— Ты меня просто уже бесишь...

— Тревожу, значит. Это хорошо.

Очень жаль, что девушка не повторяет вчерашнее с полотенцем. Сначала уходит всё проверять к бассейну. Забирает из шкафчика джинсы и кофточку, тут же ускальзывая от моего взгляда в душевую. Захлопывает быстрее, чем я успеваю возмутиться.

Оставляет меня тут одного, заставляя думать и вспоминать, как эта Лада краснеет, хотя пытается прекословить и

держаться от меня подальше. Глупая, но очень миленькая. На один раз, возможно, не так уж и плохо. Как там? "Здравствуйте, новые ощущения"? А будут новыми? Едва ли.

Дожидаюсь, когда выходит, растягивая вниз края кофты. Я точно её смущаю. Пора с этим заканчивать...

Включаю самую галантность, пропускаю вперёд, снова здороваюсь с этой её улыбающейся подружкой, ухожу в гардероб. Там уже жду её, девушка даже не старается сделать вид, что безумно мне рада, быстро одевается и выходит первой.

Мы переходим вместе дорожку к парковке, и я уже думаю показать туда, где виднеется тачка папиной соержанки, но Лада зачем-то сворачивает и быстро удаляется от меня.

— Эй! Ты сбегашь?

Делает ещё пару шагов...

— Я ж догоню, Лад.

Разворачивается и выдыхая цедит:

— Я не поеду в твоей машине!

Смеюсь.

— Это не моя машина.

— Да всё равно! Я к тебе не сяду, ты понял? Мне своя жизнь дорога..

Хмыкаю. О, сколько условностей, и как забавно та злится.

— Хорошо. - Опускаю руки в карманы пальто. - Договорились, но даже не думай от меня уехать. У меня записан твой адрес...

Подкрепляю улыбкой, любуюсь, как девочка теребит края

рукавов этой её простенькой курточки, будто сомневаясь во всём белом свете.

— Хорошо, Таймурад.

Поправляю её:

— “Тэми”, я же говорил.

Мотает головой и специально решает иначе, произнося моё полное имя:

— Таймурад.

Хмыкаю... Посмотрим.

* грубое далёкое направление.

Bad boy / Своенравная дурочка

Рад, что ничего не *случилось*?

Тэми.

Если смыть этот цвет волос, запереть её в салоне красоты, которые обожает Алика... И если представить её в нашем традиционном бирюзовом платье, спадающем до пола... нет, эндэш, зачем я об этом думаю? Моё дело - следить, чтобы эта её консервная банка не испарилась из зоны видимости зеркала заднего вида.

Хочется поиздеваться и выжать педаль в пол, но та же просто уедет, не попытавшись даже сделать вид, что хочет меня догнать.

Оттормаживаю у перекрёстка, перестраиваюсь в крайнюю левую. Перед её машиной успевает вклиниться какая-то другая помойка. А потом, кажется, ещё одна...

— Ай, Лада...

Светофор надо мной отсвечивает последние секунды. Четыре, три...

Нахожу на экране аварийку, нажимаю, даже не заглохнув для приличия.

Жду.

Хозяин первого корыта чуть ли не выворачивает голову, думая посмотреть на ту курицу в этой розовой чуши. Рядом пытаются тесниться полосы, толком не договорившись, кто

кого здесь пропустит.

Я жду...

Из окна второго мат осекается только на мой вытянутый средний.

Она наконец подъезжает и мигает поворотником. Думает обогнать? Трогаюсь с места, выворачивая на последних секундах. Эта девочка успевает проследовать за мной ровно за миг до того, как встречака начинает движение.

Почти сразу сворачиваю в карман к неплохому ресторанчику с красивой застеклённой верандой, до которой надо бы ещё добраться.

Нахожу два места, паркуюсь. Лада выжидает и повторяет за мной, но это выглядит так неуверенно, что я ради этого шоу выхожу из машины и отхожу к багажнику, любуясь её нелепыми рывками.

— Тебе помочь? - Говорю погромче.

Её сосредоточенное выражение лишь на миг озаряется злостью. Забавная...

— Ну, как хочешь.

Спустя пару моих зевков наконец глушит машину и тут же вылетает ко мне, громко хлопнув едва держащейся дверцей.

— Таймурад...

— Я предложил помощь, что ещё?

— Ты что там устроил!? Зачем встал на повороте?

Фыркнув, выдыхаю...

— Учить жизни меня будешь?

Та миленько кривит губы и мотает головой, наконец возвращаясь к своей шахте. Закрывает на ключ, продолжая нервничать.

— Идём, Лада.

Ухожу первым, чуть разминая шею, думая, зачем мне эта неудобная бесполезная розовая колымага. Не надо было соглашаться на слова отца. Взял бы что-то получше этого...

Огибаю основное здание, выхожу ко второму корпусу, обхожу и его, наконец выбравшись к веранде, которую стоило рисовать в сказках о Золушке. За этой “красотой” начинается пока ещё нетронутый лес. Точнее - крошечная лесополоса, не зацепленная ни отцом, ни его конкурентами. Кажется, там проблемы с поисками владельца, и это сейчас мне на руку. Здесь всегда тихо, спокойно. И снежинки находят покой на стеклянном куполе, чуть припорошив его.

Нас уже ожидает один официант, вышколенный по знаковой системе. Тот представляется и даже не меняется в лице, разглядев получше мою Русалочку. Зато Лада не светится счастьем, которое я уже думал дежурно отметить и раскрутить на принятие штатных комплиментов её персоне. Не нравится? Озирается, будто ужасаясь и безмолвно паникуя.

Мальчик проводит к одиноко стоящему круглому кованому столику, помогает снять курточку недотроге и даже подвигает ей схожий белый стул, заботясь об её удобстве. Снимаю пальто, не сводя с неё глаз.

Та окончательно теряется, находя отдушину только в раз-

глядывании едва заметных серебряных нитей, переплетенных в орнамент этой скатерти.

Сажусь напротив, улыбаюсь на любезно протянутое меню. Открываю и делаю вид, что мне это так интересно, давая ей шанс успокоиться... Девушка так и продолжает сидеть, снова растягивая края рукавов этой дурацкой кофты.

— Что ты делаешь?

Сжимает пальчики, дрогнув.

— Тебе здесь не нравится?

— А... - приоткрывает ротик, шумно вдохнув, - ты думаешь, мне здесь место?

Кривлю улыбку.

— Тебе не уютно? Просто расслабься.

— Сколько здесь стоит... ужин?

— Это не твоё дело, Лада.

Закрывает лицо ладонками, будто ей всерьёз жутко. Тихо шепчет, боясь побеспокоить своим голосочком неведомых духов.

— Я не понимаю тебя... что ты устраиваешь? Для чего? Ради чего, Таймурад?

Официант оказывается рядом как раз вовремя. Указываю пальцем на фуа-гра, кивнув в её сторону. Скольжу к красному Médos с мягкими танинами. Нахожу лёгкий салатик с гренками по рецепту шеф-повара. Добавляю десерт, что ей ещё? Ладно, войдёт во вкус - определится сама.

— Мне как обычно, - отдаю черную папку с серебряны-

ми уголочками, позволяя работнику раствориться и отойти к его стойке.

— “Как обычно”? - Вторит Лада. - Ты тут частый гость? Натягиваю загадочную улыбку.

— Не сказал бы.

— Да? - Не верит, хмыкнув.

Киваю в сторону лесочка.

— Красиво тут, правда?

Не хочет отвечать, как и я не стремлюсь вспоминать количество ужинов, завтраков и обедов. Что сейчас ей не нравится? Золушка не спешит восторгаться и протягивать ножку для хрустальной туфельки. В чем проблема?

— Если хочешь знать, до тебя здесь со мной никого не было.

Не считая Алики. Это же она так любила фотографировать и запечатлеть любые времена года, отразившиеся в этих деревьях.

И я мог бы соврать самому себе, что пытался забронировать наш ужин где-то еще, но нет же. Почему-то в голову пришло только это место.

— С чего ты решил, что я хочу знать?

Опять её недовольство... Пытаюсь не нервничать, а улыбнуться.

— Просто хочу, чтобы ты расслабилась.

Та цепляется за слова, чуть прищурившись:

— Зачем мне расслабляться?

— Чтобы хорошо провести вечер, Лада. - Тонем праведника. - Мы же договорились, ты забыла, моя Русалочка?

Вздрагивает, едва заметно отдаляясь.

— Не надо меня так называть.

Улыбаюсь милее.

— Ты слишком напряжена.

Выставляет ладошку...

— Это просто ужин, ты понял?

— Не нервничай.

— Не указывай.

Чуть подаюсь вперед и сцепляю ладони друг с другом.

— Лада, чего ты боишься? Что я тебе что-то сделаю? Мы же договорились. Думаешь, я нарушу договоренность?

И пока лицо не дрогнуло, гоню все тех же крошечных хитрых ифритов, нашептывающих мою правду - "Да запросто нарушу". Так и есть...

— Просто расслабься.

Её сопротивление дает сбой. Да и наш покой нарушают здешние "красотки", решившие вот именно сейчас презентовать нам вино, которое так же любила бывшая.

— Майя, не надо. - Пытаюсь остановить без грубости, хотя хочется просто рыкнуть.

Лада почему-то снова отдаляется, хмыкнув. Я дожидаясь, когда эти двое исчезнут и только после спрашиваю:

— Что?

— Так ты, говоришь, здесь не часто бываешь, да?

Спиной чувствую, как едва слышно хмыкает тот парень, в должностные обязанности которого входит быть молчаливой тенью.

— Или ты запоминаешь всех, кому когда-либо улыбался? А хотя да... извини, не подумала, вы могли "познакомиться" поближе - изображает кавычки, - где-то еще.

Даже Алика предпочитала молчать, а не провоцировать.

— Лада, - киваю на тарелку, аккуратно поставленную и сервированную ради нее, - это должно тебе понравиться, - опять цежу, улыбнувшись.

Вместо восторга сцепляет руки на животе.

— Я не ем такое, спасибо.

Расплываюсь в мнимом участии:

— Почему? Здесь отлично готовят и...

— И я с детства не притрагиваюсь к утиному мясу. Тем более, к печени... ты знаешь хоть что-нибудь о принудительном кормлении? Бабушка раньше работала на утиной ферме. И ради таких вот, как ты, еще молодых уток зажимают в тиски...

Раздражающая особа. Из последних сил растягиваю показание и забираю порцию к своей баранине. Будто от её отказа в нашем мире хоть что-то изменится. И кто еще вчера ел в буфете рыбу? Она? Или плавающих уже не жалко?

— Тогда салат? - Указываю на небольшую пиалу.

Лада до сих пор не решается. Выдыхаю, уже не скрывая раздражения:

— Что на этот раз?

Молчит. Прикусывает губу, продолжая раскручивать что-то в своей глупой головке.

— Говори уже.

— Ты спишь со всеми подряд? Поэтому же пристал ко мне, да?

Это как мы пришли к этому вопросу?

— С чего ты взяла?

— Ты якобы не заметил, как тебе улыбались? Как ты ее назвал? Майя? Девушка еще немного бы и разложилась здесь, не постеснявшись.

О, эндэш... решаю для начала дослушать.

— И... если теперь цель я, зачем тогда тащишь меня сюда? Я тебя не понимаю... Или тебе все равно где и с кем? - Дополняет. - И еще говоришь, что тут с тобой никого никогда не было? Да? Лжец.

Обрываю тяжелым выдохом. Зачем мне ей что-то объяснять сейчас? Ради чего?

Беру вилку и нож, думая просто заткнуться. Она продолжает сверлить меня взглядом, и в том с каждым лье становится всё больше презрения. Да что за...

— Это знакомая моей бывшей... невесты. Та... любила окружать меня... - теперь уже сам изображаю кавычки, - "неподкупными" девочками, получающими от неё шмотки.

В ход идёт улыбка. Дополняю:

— Она одно время всерьез думала, что такими подачками

завоевывает уважение и сокращает круг желающих оказать-
ся в моей постели.

— О, так у тебя там целый круг? Даже не просто очередь?
А можно я не буду в этом стоять? - Ломано смеется, сверкнув серыми глазками. - Видимо, у твоей бывшей с твоей...
верностью, и правда, все было тщетно, да?

Как она меня к этому подвела сейчас? Как мальчишку пытается пристыдить.

Что ответить? Почему вспомнилось имя? Я бы знал... даже не помню, было ли между мной и этой официанткой что-то. Возможно, да. Зачем ляпнул?

— Лад...

Мотает головой и встает, очевидно, решая ухватиться за шанс поскорее уйти.

Я смотрю, как моя недотрога резко хватается за куртку и уже на ходу надевает ту.

— До свидания. - Прощается с тенью официанта.

И выходит, думая оставить меня здесь одного. Зачем она мне? Зачем мне эта несносная русская дурочка? Зачем мне эта спасающая и своенравная Русалочка?

Это должен был быть просто ужин, перетекающий в ночь в гостинице неподалёку. Что вообще в этом такого? Что в этом сложного?

Девочка из комиксов. 14

Радость- лишь мимолётная эмоция,
так чем она вызвана?

Влада.

Ну какая же я дурочка! Зачем вообще сюда поехала!? Чего можно ждать от такого вот укротителя женских сердец? Да я же сама сказала Юле, что он бабник, он хамло и просто... лжец!

Передразниваю его мурлыкающий тон:

“Просто расслабься”

Фу! И почему мне-то обидно? Как я могла поверить хоть одному слову? Из-за абонементов? Да ничего бы он не забрал! И вообще... веду себя, как девчонка.

Добираюсь до машины, не прекращая злиться на не

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.